

М. А.
АНТОНОВИЧ

Максим Алексеевич Антонович Асмодей нашего времени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2826505

Аннотация

«Всем интересующимся литературой и близким к ней известно было по печатным и устным слухам, что г. Тургенев имеет художественный замысел сочинить роман, изобразить в нем современное движение русского общества, высказать в художественной форме свой взгляд на современное молодое поколение и разъяснить свои отношения к нему. Несколько раз стоустая молва разносила весть, что роман уже готов, что он печатается и скоро выйдет в свет; однако роман не появлялся; говорили, что автор приостановил печатание его, переделывал, исправлял и дополнял свое произведение, затем снова отдавал в печать и снова принимался за его переделку...»

Содержание

Максим Алексеевич Антонович Асмодей нашего времени

Печально я гляжу на наше поколение.¹

Всем интересующимся литературой и близким к ней известно было по печатным и устным слухам, что г. Тургенев имеет художественный замысел сочинить роман, изобразить в нем современное движение русского общества, высказать в художественной форме свой взгляд на современное молодое поколение и разъяснить свои отношения к нему. Несколько раз стоустая молва разносила весть, что роман уже готов, что он печатается и скоро выйдет в свет; однако роман не появлялся; говорили, что автор приостановил печатание его, переделывал, исправлял и дополнял свое произведение, затем снова отдавал в печать и снова принимался за его переделку. Всеми овладело нетерпение; лихорадочное ожидание напряжено было до высшей степени; всем хотелось поскорей увидеть новое произведение знамени того симпатического художника и любимца публики. Самый предмет романа возбуждал живейший интерес: талант г. Тургенева обращается на современное молодое поколение; поэт взялся

¹ Первая строка из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Дума».

за юность, весну жизни, самый поэтический сюжет. Молодое поколение, всегда доверчивое, заранее услаждалось надеждой увидеть свой; портрет, нарисованный искусною рукою симпатического художника, который будет содействовать развитию его самосознания и сделается его руководителем; оно посмотрит на самого себя со стороны, критически взглянет на свое изображение в зеркале таланта и лучше поймет себя, свои достоинства и недостатки, свое призвание и назначение. И вот желанный час настал; давно и с нетерпением ожидаемый и несколько раз предсказанный роман явился наконец подле «Геологических очерков Кавказа», ну, разумеется, все от мала до велика с жаром бросились на него, как голодные волки на добычу.

И начинается всеобщее чтение романа. С первых же страниц, к величайшему изумлению читающего, им овладевает некоторого рода скука; но, разумеется, вы этим не смущаетесь и продолжаете читать, надеясь, что дальше будет лучше, что автор войдет в свою роль, что талант возьмет свое и невольно увлечет ваше внимание. А между тем и дальше, когда действие романа развертывается перед вами вполне, ваше любопытство не шевелится, ваше чувство остается нетронутым; чтение производит на вас какое-то неудовлетворительное впечатление, которое отражается не на чувстве, а, что всего удивительнее, на уме. Вас обдаёт каким-то мертвящим холодом; вы не живете с действующими лицами романа, не проникаетесь их жизнью, а начинаете холодно рассуждать

с ними, или, точнее, следить за их рассуждениями. Вы забываете, что перед вами лежит роман талантливого художника, и воображаете, что вы читаете морально-философский трактат, но плохой и поверхностный, который, не удовлетворяя уму, тем самым производит неприятное впечатление и на ваше чувство. Это показывает, что новое произведение г. Тургенева крайне неудовлетворительно в художественном отношении. Давнишним и рьяным поклонникам г. Тургенева не понравится такой отзыв об его романе, они найдут его резким и даже, пожалуй, несправедливым. Да, признаемся, мы и сами удивились тому впечатлению, которое произвели на нас «Отцы и дети». Мы, правда, и не ожидали от г. Тургенева чего-нибудь особенного и необыкновенного, как не ожидали, вероятно, и все те, кто помнит его «Первую любовь»; но и в ней все-таки были сцены, на которых можно было остановиться не без удовольствия и отдохнуть после разных, совершенно непоэтических, причуд героини. В новом романе г. Тургенева нет даже и подобных оазисов; негде укрыться от удушливого зноя странных рассуждений и хоть на минуту освободиться от неприятного, раздражительного впечатления, производимого общим ходом изображаемых действий и сцен. Что всего удивительнее, в новом произведении г. Тургенева нет даже того психологического анализа, с которым он, бывало, прежде разбирал игру чувств у своих героев, и который приятно щекотал, чувство читателя; нет художественных изображений, картин природы, которыми действи-

тельно нельзя было не залюбоваться и которые доставляли всякому читателю несколько минут наслаждения чистого и спокойного и невольно располагали его симпатизировать автору и благодарить его. В «Отцах и детях» он скупится на описание, не обращает внимания на природу; после незначительных отступлений он торопится к своим героям, бережет место и силы для чего-то другого и вместо полных картин проводит одни только штрихи, да и то неважные и нехарактеристические, вроде того, что «одни петухи задорно перекликались на деревне; да где-то высоко в верхушке деревьев звенел плаксивым призывом немолчный писк молодого ястребка» (стр. 589).

Все внимание автора обращено на главного героя и других действующих лиц, – впрочем, не на их личности, не на их душевные движения, чувства и страсти, а почти исключительно на их разговоры и рассуждения. Оттого в романе, за исключением одной старушки, нет ни одного живого лица и живой души, а все только отвлеченные идеи и разные направления, олицетворенные и названные собственными именами. Существует, например, у нас так называемое отрицательное направление и характеризуется известным образом мыслей и воззрений. Г-н Тургенев взял да и назвал его Евгением Васильевичем, который и говорит в романе: я – отрицательное направление, мои мысли и воззрения вот такие-то и такие. Серьезно, буквально так! Есть также на свете порок, который зовется непочтительностью к родителям

и выражается известными поступками и словами. Г-н Тургенев и назвал его Аркадием Николаевичем, который и творит эти поступки и говорит эти слова. Эмансипация женщины, например, названа Eudoxie Кукшиной. На таком фокусе построен весь роман; все личности в нем – это идеи и взгляды, наряженные только в личную конкретную форму. – Но все это ничего, каковы бы ни были личности, а главное, и к этим несчастным, безжизненным личностям г. Тургенев, душа высоко поэтическая и всему симпатизирующая, – не имеет ни малейшей жалости, ни капли сочувствия и любви, того чувства, которое зовется гуманным. Главного своего героя и его приятелей он презирает и ненавидит от всей души; чувство его к ним не есть, впрочем, высокое негодование поэта вообще и ненависть сатирика в частности, которые бываю́т обращены не на личности, а на слабости и недостатки, замечаемые в личностях, и сила которых прямо пропорциональна той любви, какую поэт и сатирик питают к своим героям. Уж это избитая истина и общее место, что истинный художник относится к своим несчастным героям не только с видимым смехом и негодованием, но и с незримыми слезами и невидимую любовью; он страдает и болит сердцем из-за того, что видит в них слабости; он считает как бы своим собственным несчастьем то обстоятельство, что у других людей, ему подобных, есть недостатки и пороки; он говорит о них с презрением, но вместе и с сожалением, как о своем собственном горе, г-н Тургенев относится к своим героям,

не фаворитам его, совершенно иначе. Он питает к ним какую-то личную ненависть и неприязнь, как будто они лично сделали ему какую-нибудь обиду и пакость, и он старается отметить им на каждом шагу, как человек лично оскорбленный; он с внутренним удовольствием отыскивает в них слабости и недостатки, о которых и говорит с дурно скрываемым злорадством и только для того, чтобы унижить героя в глазах читателей; «посмотрите, дескать, какие негодяй мои враги и противники». Он детски радуется, когда ему удастся уколоть чем-нибудь нелюбимого героя, сострить над ним, представить его в смешном или пошлом и мерзком виде; каждый промах, каждый необдуманый шаг героя приятно щекочет его самолюбие, вызывает улыбку самодовольствия, обнаруживающую гордое, но мелкое и негуманное сознание собственного превосходства. Эта мстительность доходит до смешного, имеет вид школьных щипков, обнаруживаясь в мелочах и пустяках. Главный герой романа с гордостью и заносчивостью говорит о своем искусстве в картежной игре; а г. Тургенев заставляет его постоянно проигрывать; и это делается не для шутки, не для того, для чего, например, мистер Винкель², хвастающийся меткостью стрельбы, вместо вороны попадает в корову, а для того, чтобы уколоть героя и уязвить его гордое самолюбие. Героя пригласили сразиться в преферанс; он согласился, остроумно намекнув, что обыг-

² *Мистер Винкель* (в современных переводах Уинкль) – персонаж «Посмертных записок Пиквикского клуба» Ч. Диккенса.

рает всех. «А между тем, – замечает г. Тургенев, – герой все ремизился да ремизился. Одна особа мастерски играла в карты; другая тоже могла постоять за себя. Герой остался в проигрыше, хотя незначительном, но все-таки не совсем приятном». «Отец Алексей, говорили герою, и в карточки не прочь поиграть. Что ж, отвечал он, засядем в ералаш, и я его обыграю. Отец Алексей сел за зеленый стол с умеренным изъявлением удовольствия и кончил тем, что обыграл героя на 2 руб. 50 коп. ассигнациями». – А что? обыграл? не стыдно, не стыдно, а еще хвастался! – говорят обыкновенно в таких случаях школьники своим товарищам, посрамленным хвастунам. Потом г. Тургенев старается выставить главного героя обжорой, который только и думает о том, как бы поесть и попить, и это опять делается не с добродушием и комизмом, а все с тою же мстительностью и желанием унижить героя даже рассказ об обжорстве. Петуха³ написан спокойнее и с большим сочувствием со стороны автора к своему герою. При всех сценах и случаях еды г. Тургенев как бы не нарочно замечает, что герой «говорил мало, а ел много»; приглашают ли его куда-нибудь, он прежде всего спрашивается, будет ли ему шампанское, и уж если доберется до него, то теряет даже свою страсть к словоохотливости, «изредка скажет слово, а все больше занимается шампанским». Это личное нерасположение автора к своему главному герою проявляется на каждом шагу и невольно возмущает чувство

³ *Петух* – один из персонажей «Мертвых душ» Н. В. Гоголя.

читателя, которому наконец становится досадно на автора, зачем он так жестоко поступает с своим героем и так злобно издевается над ним, затем он, наконец, лишает его всякого смысла и всех человеческих свойств, зачем вкладывает в ее голову мысли, в его сердце чувства, совершенно несообразные с характером героя, с другими его мыслями и чувствами. В художественном отношении это означает несдержанность и неестественность характера – недостаток, состоящий в том, что автор не умел изобразить своего героя так, чтобы он постоянно оставался верен самому себе. На читателя такая неестественность производит то действие, что он начинает не доверять автору и невольно становится адвокатом героя, признает невозможными в нем те нелепые мысли и то безобразное сочетание понятий, какое приписывает ему автор; доказательства и улики налицо в других словах самого же автора, относящихся к тому же герою. Герой, извольте видеть, медик, молодой человек, по словам самого же г. Тургенева, до страсти, до самоотвержения преданный своей науке и занятиям вообще; ни на одну минуту не расстаётся он с своими инструментами и аппаратами, постоянно занят опытами и наблюдениями; где бы он ни был, куда бы ни явился, тотчас же при первой удобной минуте он начинает ботанизировать, заниматься ловлей лягушек, жуков, бабочек, анатомирует их, рассматривает под микроскопом, подвергает химическим реакциям; по выражению г. Тургенева, он всюду носил с собой «какой-то медицинско-хирургический

запах»; для науки он жизни не щадил и умер от заражения при анатомировании тифозного трупа. И вдруг г. Тургенев хочет уверить нас, что этот человек – мелкий хвастунишка и пьянчужка, гоняющийся за шампанским, и утверждает, что он не имеет любви ни к чему, ни даже к науке, что он не признает науки, не верит в нее, что он даже презирает медицину и смеется над ней. Натуральное ли это дело? уж не слишком ли автор разгневался на своего героя? В одном месте автор говорит, что герой «владел особенным умением возбуждать к себе доверие в людях низших, хотя он никогда не потакал им и обходился с ними небрежно» (стр. 488); «слуги барские привязались к нему, хоть он над ними подтрунивал; Дуняша охотно с ним хихикала; Петр, человек до крайности самолюбивый и глупый, и тот ухмылялся и светлел, как только герой обращал на него внимание; дворовые мальчишки бегали за „дохтуром“ как собачонки» и даже вели с ним ученые разговоры и диспуты (стр. 512). Но, несмотря на все это, в другом месте изображается комическая сцена, в которой герой не умел и двух слов сказать с мужиками; мужики не могли понять того, кто говорил понятно даже с дворовыми мальчишками. Его рассуждения с мужиком этот последний охарактеризовал так: «барин болтал кое-что, язык почесать захотелось. Известно, барин; разве он что понимает?» Автор и тут не утерпел и при сей верной okazji вставил шпильку герою: «увы! а еще хвастался, что умеет говорить с мужиками» (стр. 647).

И подобных несообразностей в романе довольно. Почти на каждой странице видно желание автора во что бы то ни стало унизить героя, которого он считал своим противником и потому взваливал на него всевозможные нелепости и всячески издевался над ним, рассыпаясь в остротах и колкостях. Это все позволительно, уместно, пожалуй даже хорошо в какой-нибудь полемической статье; а в романе это вопиющая несправедливость, уничтожающая поэтическое действие его. В романе герой противник автора есть существо беззащитное и безответное, он весь в руках автора и безмолвно принужден выслушивать всякие небылицы, какие взводятся на него; он в том же положении, в каком находились противники в ученых трактатах, написанных в виде разговоров. В них автор ораторствует, говорит всегда умно и резонно, тогда как его противники представляются жалкими и ограниченными дурачками, которые слова не умеют сказать порядочно, а не то чтобы представить какое-нибудь дельное возражение; что бы они ни сказали, автор все опровергает самым победоносным образом. Из разных мест романа г. Тургенева видно, что главный герой его человек не глупый, — напротив, очень способный и даровитый, любознательный, прилежно занимающийся и много знающий; а между тем в спорах он совершенно теряется, высказывает бессмыслицы и проповедует нелепости, непростительные самому ограниченному уму. Поэтому, как только г. Тургенев начинает острить и издеваться над своим героем, так и

кажется, что если бы герой был живое лицо, если бы он мог освободиться от безмолвия и заговорить самостоятельно от себя, то он наповал сразил бы г. Тургенева, посмеялся бы над ним гораздо остроумнее и основательнее, так что самому г. Тургеневу пришлось бы тогда играть жалкую роль безмолвия и безответности. Г-н Тургенев через какого-то из своих фаворитов спрашивает героя: «вы отрицаете все? не только искусство, поэзию... но *и*... страшно вымолвить... – Все, с невыразимым спокойствием отвечал герой» (стр. 517). Конечно, ответ неудовлетворительный; но как знать, живой-то герой, может быть, ответил бы: «Нет», и прибавил бы: мы отрицаем только ваше искусство, вашу поэзию, г. Тургенев, ваше *и*; но не отрицаем и даже требуем другого искусства и поэзии, другого *и*, хоть такого *и*, какое представлял себе, например, Гете, такой же поэт, как, и вы, однако отрицавший ваше *и*. – О нравственном характере и нравственных качествах героя и, говорить нечего; это не человек, а какое-то ужасное существо, просто дьявол, или, выражаясь более поэтически, асмодей. Он систематически ненавидит и преследует все, начиная от своих добрых родителей, которых он терпеть не может, и оканчивая лягушками, которых он режет с беспощадной жестокостью. Никогда ни одно чувство не закрадывалось в его холодное сердце; не видно в нем и следа какого-нибудь увлечения или страсти; самую ненависть он отпускает рассчитанно, по гранам. И заметьте, этот герой – молодой человек, юноша! Он представляется каким-то ядо-

витым существом, которое отравляет все, к чему ни прикоснется; у него есть друг, но и его он презирает ни малейшего расположения; есть у него последователи, но и их он так же ненавидит. Всех вообще подчиняющихся его влиянию он учит безнравственности и бессмыслию; их благородные инстинкты и возвышенные чувства он убивает своей презрительной насмешкой, и ею же он удерживает их от всякого доброго дела. Женщина, добрая и возвышенная по натуре, сначала увлекается им; но потом, узнав его ближе, с ужасом и омерзением от него отворачивается, отплевывается и «обтираете платком». Он даже позволил себе презрительно относиться к отцу Алексею, священнику, человеку «очень хорошему и рассудительному», который, однако, зло острит над ним и обыгрывает его в картах. По-видимому, г. Тургенев хотел изобразить в своем герое, как говорится, демоническую или байроническую натуру, что-то вроде Гамлета; но, с другой стороны, он придал ему черты, по которым его натура кажется самой дюжинною и даже пошлою, по крайней мере весьма далекой от демонизма. И от этого в целом выходит не характер, не живая личность, а карикатура, чудовище с крошечной головкой и гигантским ртом, маленьким лицом и преобладающим носом, и притом карикатура самая злостная. Автор до того зол на своего героя, что не хочет простить его и примириться с ним даже пред его смертью, в ту, выражаясь ораторски, священную минуту, когда герой одною ногой стоит уже на краю гроба, – поступок совершенно непо-

стижимый в симпатическом художнике. Кроме священности минуты, одно благоразумие должно было смягчить негодование автора; герой умирает, – учить и обличать его поздно и бесполезно, унижать его пред читателем незачем; руки его скоро окоченеют, и он не может сделать автору никакого вреда, хоть бы и хотел; кажется, и следовало бы оставить его в покое. Так нет же; герой, как медик, очень хорошо знает, что ему остается до смерти несколько часов; он призывает к себе женщину, к которой он питал не любовь, а что-то другое, не похожее на настоящую возвышенную любовь. Она пришла, герой и говорит ей: «старая штука смерть, а каждому внове. До сих пор не трушу... а там, придет беспмятство, и фюить! Ну, что ж мне сказать вам... Что я любил вас? это и прежде не имело никакого смысла, а теперь и подавно. Любовь – форма, а моя собственная форма уже разлагается. Скажу я лучше, что какая вы славная! И теперь вот вы стоите, такая красивая...» (Читатель дальше яснее увидит, какой гадкий смысл заключается в этих словах.) Она подошла к нему поближе, и он опять заговорил: «ах, как близко, и какая молодая, свежая, чистая... в этой гад кой комнате!...» (стр. 657). От этого резкого и дикого диссонанса теряет всякое поэтическое значение эффектно написанная картина смерти героя. А между тем в эпилоге есть картинки нарочито поэтические, имеющие в виду размягчить сердца читателей и навести их на грустную мечтательность и совершенно не достигающие своей цели благодаря указанному диссонансу.

На могиле героя растут две молодые елки; отец и мать его – «два уже дряхлые старичка» – приходят на могилу, горько плачут и молятся о сыне. «Неужели их молитвы, их слезы бесплодны? Неужели любовь, святая, преданная любовь не всеильна? О, нет! Какое бы страстное, грешное, бунтующее сердце ни скрылось в могиле, цветы, растущие на ней, безмятежно глядят на нас своими невинными глазами: не об одном вечном спокойствии говорят нам они, о том великом спокойствии „равнодушной“ природы; они говорят также о вечном примирении и о жизни бесконечной» (стр. 663). Кажется, чего же лучше; все прекрасно и поэтично, и старички, и елки, и невинные взгляды цветков; но все это мишура и фразы, даже нестерпимые после того, как изображена смерть героя. И у автора поворачивается язык говорить о всепримиряющей любви, о бесконечной жизни, после того как его самого эта любовь и мысль о бесконечной жизни не могли удержать от бесчеловечного обращения со своим умирающим героем, который, лежа на смертном одре, призывает свою возлюбленную для того, чтобы видом ее прелестей в последний раз пощекотать свою потухающую страсть. Очень мило! Вот такую поэзию и искусство стоит и отрицать и порицать; на словах они умилительно поют о любви и мире, а на деле оказываются злостными и непримиримыми. – Вообще в художественном отношении роман совершенно неудовлетворителен, чтоб не сказать более из уважению к таланту г. Тургенева, к его прежним заслугам и к его многочисленным

почитателям. Общей нити, общего действия, которое связывало бы все части романа, нет; все какие-то отдельные рапсодии. Выводятся личности совершенно лишние, неизвестно для чего фигурирующие в романе; такова, например княжна Х...ая; она являлась несколько раз к обеду и к чаю в романе, посидела «на широком бархатном кресле» и потом умерла, «забытая в самый день смерти». Есть несколько и других личностей, совершенно случайных, выведенных только для мебели.

Впрочем, эти личности, как и все другие в романе, непостижимы или ненужны собственно в художественном отношении; но они нужны были г. Тургеневу для других целей, чуждых искусству. С точки зрения этих целей мы смекаем даже, для чего явилась княжна Х...ая. Дело в том, что последний роман его написан с тенденциями, с ясно и резко выступающими теоретическими целями. Это роман дидактический, настоящий ученый трактат, написанный в разговорной форме, и каждое выведенное лицо служит выражением и представителем известного мнения и направления. Вот как могуч и силен дух времени! «Русский вестник» говорит, что в настоящее время нет ни одного ученого, не исключая, конечно, и его самого, который бы не пустился при случае отплясывать трепака. Так же точно можно сказать, что в настоящее время нет ни одного художника и поэта, который бы не решился при случае создать что-нибудь с тенденциями, г-н Тургенев, главный представитель и служитель чистого ис-

кусства для искусства, творец «Записок охотника» и «Первой любви», оставил свою службу искусству и стал поработать его разным теоретическим соображениям и практическим целям и написал роман с тенденциями – обстоятельство очень характеристическое и замечательное! Как видно из самого заглавия романа, автор хочет изобразить в нем старое и молодое поколение, отцов и детей; и действительно, он выводит в романе несколько экземпляров отцов и еще больше экземпляров детей. Отцами он занимается мало, отцы по большей части только спрашивают, задают вопросы, а дети уже отвечают на них; главное внимание его обращено на молодое поколение, на детей. Он старается охарактеризовать их сколько возможно полнее и многостороннее, описывает их тенденции, излагает их общие философские воззрения на науку и жизнь, их взгляды на поэзию и искусство, их понятия о любви, об эмансипации женщин, об отношениях детей к родителям, о браке; и все это представляется не в поэтической форме образов, а в прозаических разговорах, в логической форме предложений, выражений и слов.

Как же представляет себе современное молодое поколение г. Тургенев, наш художественный Нестор, наш поэтический корифей? Он, видимо, не расположен к нему, относится к детям даже враждебно; отцам он отдает полное преимущество во всем и всегда старается возвысить их на счет детей. Один отец, фаворит автора, говорит: «Отложив всякое самолюбие в сторону, мне кажется, что дети дальше от ис-

тины, нежели мы; но я чувствую, что за ними есть какое-то преимущество над нами... Не в том ли состоит это преимущество, что в них меньше следов барства, чем в нас?» (стр. 523). Это одна и единственная хорошая черта, которую признал г. Тургенев в молодом поколении, ею оно только и может утешаться; во всем остальном молодое поколение удалилось от истины, блуждает по дебрям заблуждения и лжи, которая убивает в нем всякую поэзию, приводит его к человеконенавидению, отчаянию и бездействию или к деятельности, но бессмысленной и разрушительной. Роман есть не что иное, как беспощадная тоже разрушительная критика молодого поколения. Во всех современных вопросах, умственных движениях, толках и идеалах, занимающих молодое поколение, г. Тургенев не находит никакого смысла и дает понять, что они ведут только к разврату, пустоте, прозаической пошлости и цинизму. Одним словом, г. Тургенев смотрит на современные принципы молодого поколения так, как гг. Никита Безрылов и Писемский, то есть не признает за ними никакого действительного и серьезного значения и просто издевается над ними. Защитники г. Безрылова старались оправдать его знаменитый фельетон и представляли дело в таком виде, будто бы он грязно и цинически издевается не над самими принципами, а только над уклонениями от них, и когда он говорил, например, что эмансипация женщины есть требование для нее полной свободы в разгульной и развратной жизни, то выражал этим не свое собственное понятие об

эмансипации, а понятия других, которые он и хотел будто бы осмеять; и что он вообще говорил только о злоупотреблениях и перетолкованиях современных вопросов. Найдутся, может быть, охотники, которые посредством такого же натянутого приема захотят оправдывать и г. Тургенева, скажут, что, изображая молодое поколение в смешном, карикатурном и даже нелепом виде, он имел в виду не молодое поколение вообще, не лучших его представителей, а только самых жалких и ограниченных детей, что он говорит не об общем правиле, а только об его исключениях; что он издевается только над тем молодым поколением, которое выведено в его романе как худшее, а вообще он уважает его. Современные воззрения и тенденции, могут сказать защитники, утрированы в романе, поняты слишком поверхностно и односторонне; но такое ограниченное понимание их принадлежит не самому г. Тургеневу, а его героям. Когда, например, в романе говорится, что молодое поколение следует отрицательному направлению слепо и бессознательно не потому, чтоб оно уверено было в несостоятельности того, что оно отрицает, а просто только вследствие ощущения, – то это, могут сказать защитники, не значит, чтоб сам г. Тургенев думал таким образом о происхождении отрицательного направления, – он хотел только сказать этим, что есть люди, которые думают так, и есть уроды, относительно которых верно такое мнение.

Но подобное оправдание г. Тургенева будет неосновательно и недействительно, каким оно и было по отношению к

г. Безрылову. (Роман г. Тургенева не есть произведение чисто объективное; в нем слишком ясно выступает личность автора, его симпатии, его воодушевление, даже его личная желчь и раздражение. Через это мы получаем возможность прочесть в романе личные мнения самого автора, и в этом имеем уже одно основание – высказанные в романе мысли принимать за суждения автора, по крайней мере мысли, высказанные с заметным сочувствием к ним со стороны автора изложенные в уста тех лиц, которым он очевидно покровительствует. Далее, если б в авторе была хоть искра сочувствия к «детям», к молодому поколению, хоть искра верного и ясного понимания их воззрений и стремлений, то она непременно где-нибудь заблестела бы в течение всего романа. Всякое обличение ясно дает понять то, в силу чего оно совершается; раскрытие исключений уясняет самое правило. У г. Тургенева этого нет; во всем романе мы не видим ни малейшего намека на то, каково должно быть общее правило, лучшее молодое поколение; всех «детей», то есть большинство их, он суммирует в одно и представляет всех их как исключение, как ненормальное явление. Если б в самом деле он изображал только одну дурную часть молодого поколения или только одну темную его сторону, в таком случае он видел бы идеал в другой части или в другой стороне того же самого поколения; но он находит свой идеал совершенно в ином месте, именно в «отцах», в более или менее старом поколении. Стало быть, он проводит парал-

лель и противоположность между «отцами» и «детьми», и смысл его романа нельзя формулировать так: между множеством хороших «детей» есть и дурные, которые и осмеяны в романе; задача его совершенно иная и приводится к такой формуле: «дети» дурны, они и представлены в романе во всем своем безобразии; а «отцы» хороши, что также доказано в романе. Кроме готе, имея в виду показать отношение между «отцами» и «детьми», автор и не мог действовать иначе, как изображая большинство «детей» и большинство «отцов». Везде, в статистике, экономике, торговле, всегда берут для сравнения средние величины и цифры; то же самое должно быть и в нравственной статистике. Определяя в романе нравственное отношение между двумя поколениями, автор, конечно, описывает не аномалии, не исключения, а явления обыкновенные, часто встречающиеся, средние цифры, отношения, существующие в большинстве случаев и при равных условиях. Из этого выходит необходимое заключение, что г. Тургенев представляет себе вообще молодых людей, такими, каковы молодые герои его романа, и, по его мнению, те умственные и нравственные качества, которыми отличаются последние, принадлежат большинству молодого поколения то есть, выражаясь языком средних чисел, всем молодым людям; герои романа – это образцы современных детей. Наконец, есть основание думать, что г. Тургенев изображает лучших молодых людей, первых представителей современного поколения. Для сличения и определения из-

вестных предметов нужно брать количества и качества соответствующие; нельзя убрать maximum с одной стороны и minimum с другой. Если в романе выведены отцы известного размера и калибра, то и дети должны быть такого же точно размера и калибра. «Отцы» же в произведении г. Тургенева все люди почтенные, умные, снисходительные, проникнутые самой нежною любовью к детям, каких дай бог всякому; это не какие-нибудь сварливые старики, деспоты, самовластно распоряжающиеся детьми; они предоставляют детям полную свободу в действиях, сами учились и детей стараются научить и даже от них поучиться. После этого необходимо принять, что и «дети» в романе выведены самые лучшие, какие только возможны, так сказать цвет и краса молодежи, не какие-нибудь неучи и кутилы, в параллель к которым можно было бы подобрать отличнейших отцов почище тургеньевских, – а юноши порядочные, любознательные, со всеми достоинствами, свойственными их возрасту. А то ведь выйдет нелепость и самая вопиющая несправедливость, если сличать лучших отцов и худших детей. Мы уже не говорим о том, что под категорию «детей» г. Тургенев подвел значительную часть современной литературы, так называемое ее отрицательное направление, второе он олицетворил в одном из своих героев и вложил ему в уста слова и фразы, часто встречающиеся в печати и выражающие мысли, одобряемые молодым поколением и не возбуждающие неприязненных чувств в людях среднего поколения, а может быть

даже и старого. – Все эти рассуждения были бы излишни, и никому не могли бы прийти в голову возражения, которые мы устранили, если бы дело шло о ком-нибудь другом, а не о г. Тургеневе, который пользуется большим почетом и приобрел себе значение авторитета; высказывая суждение о г. Тургеневе, нужно доказывать самые обыкновенные мысли, которые в других случаях охотно принимаются и без доказательств, как очевидные и ясные сами по себе; вследствие этого мы сочли необходимыми вышеизложенные прелиминарные и элементарные рассуждения. Они теперь дают нам полное право утверждать, что роман г. Тургенева служит выражением его собственных личных симпатий и антипатий, что взгляды романа на молодое поколение выражают взгляды самого автора; что в нем изображается все вообще молодое поколение, как оно есть и каким является оно даже в лице лучших своих представителей; что ограниченное и поверхностное понимание современных вопросов и стремлений, высказываемое героями романа, лежит на ответственности самого г. Тургенева. Когда, например, главный герой, представитель «детей» и того образа мыслей, который разделяет молодое поколение, говорит, что между человеком и лягушкой нет различия, то это значит, что сам г. Тургенев понимает современный образ мыслей именно таким образом; он изучал современное учение, разделяемое молодежью, и ему, значит, так действительно и показалось, будто бы оно не признает никакого различия между человеком и лягушкой.

Различие-то, видите, есть большое, как показывает и современное учение; но он не заметил его – философская проницательность изменила поэту. Если же он видел это различие, да только скрыл его для утрировки современного учения, то это еще хуже. Конечно, нужно с другой стороны сказать и то, что автор не обязан же отвечать за все нелепые и умышленно обезображенные мысли своих героев, – этого никто от него и не потребует во всех случаях. Но если мысль высказывается, по внушению автора, совершенно серьезно, особенно еще если в романе есть тенденция охарактеризовать известное направление и образ мыслей, – то мы вправе требовать, чтобы автор не утрировал этого направления, чтоб представлял эти мысли не в искаженном виде и карикатуре, а так, как они есть, как он понимает их по своему крайнему разумению. Так же точно, что сказано о юных личностях романа, то относится ко всей молодежи, которую они представляют в романе; так что она, несколько не смущаясь, должна принимать на свой счет разные выходки «отцов», покорно выслушивать их как приговоры самого г. Тургенева и не обижаться хоть бы, например, следующей репликой, направленной против главного героя, представителя молодого поколения:

«– Так, так. Сперва гордость почти сатанинская, потом глумление. Вот, вот чем увлекается молодежь, вот чем покоряются неопытные сердца мальчишек! И эта зараза уже далеко распространилась. Мне сказывали, что в Риме наши художники в Ватикан ни ногой: Рафаэля считают чуть не ду-

раком, потому что это, мол, авторитет, а сами бессильны и бесплодны до гадости; а у самих фантазии дальше „Девушки у фонтана“ не хватает, хоть ты что! И написана-то девушка прескверно. По-вашему, они молодцы, не правда ли?

– По-моему, – возразил герой, – и Рафаэль гроша медного не стоит; да и они не лучше его.

– Bravo! bravo! Слушайте, вот как должны современные молодые люди выражаться. И как, подумаешь, им не идти за вами! Прежде молодым людям приходилось учиться; не хотелось им прослыть за невежд, так они поневоле трудились. А теперь им стоит сказать: все на свете вздор! – и дело в шляпе. Молодые люди обрадовались. И в самом деле, прежде они просто были болваны, а теперь они вдруг стали нигилисты».

Если смотреть на роман с точки зрения его тенденций, то он и с этой стороны так же неудовлетворителен, как и в художественном отношении. О качестве тенденций нечего пока сказать, а главное, и проводятся они очень неловко, так что цель автора не достигается. Стараясь набросить невыгодную тень на молодое поколение, автор слишком уж погорячился, перепустил, как говорится, и уж стал выдумывать такие небылицы, что верится им с большим трудом – и обвинение кажется пристрастным. Но все недостатки романа выкупаются одним достоинством, которое, впрочем, не имеет художественного значения, на которое не рассчитывал автор и которое, значит, принадлежит бессознательному творчеству. Поэзия, конечно, всегда хороша и заслуживает полного ува-

жения; но недурна также и прозаическая правда, и она имеет право на уважение; мы должны радоваться художественному произведению, которое хотя и не дает нам поэзии, но зато содействует правде. В этом смысле последний роман г. Тургенева – вещь превосходная; он не дает нам поэтического наслаждения, даже действует на чувства неприятно; но он хорош в том отношении, что в нем г. Тургенев обнаружил себя ясно и вполне и тем раскрыл нам истинный смысл своих прежних произведений, сказал без околичностей и напрямки то свое последнее слово, которое, в прежних его произведениях было смягчено и затушевано разными поэтическими прикрасами и эффектами, скрывавшими его истинное значение. Действительно, трудно было понять, как г. Тургенев относился к своим Рудиным и Гамлетам, как смотрел на их стремления, угасшие и неосуществившиеся, вследствие их бездействия и апатии и вследствие влияния внешних обстоятельств. Наша доверчивая критика решила, что он относился к ним с сочувствием, симпатизировал их стремлениям; по ее понятиям, Рудины были люди не дела, а слова, но слова хорошего и разумного; у них дух был бодр, но плоть немощна; они были пропагандистами, разносившими свет здравых понятий и если не делом, то своим словом возбуждавшими в других высшие стремления и интересы; они учили и говорили, как нужно поступать, хоть у самих и недоставало сил перевести свои учения в жизнь, осуществить свои стремления; они изнемогали и падали при самом начале своей дея-

тельности. Критика думала, что г. Тургенев относился к своим героям с трогательным участием, скорбел о них и сожалел о том, что они погибли вместе с своими прекрасными стремлениями, и давал понять, что, будь у них сила воли и энергия, они бы могли сделать много добра. И критика имела некоторое право на такое решение; разные положения героев были изображены с эффектом и аффектацией, которую легко можно было принять за настоящее воодушевление и сочувствие; так же точно, как и по эпилогу последнего романа, где красноречиво говорится о любви и примирении, можно было подумать, что любовь самого автора простирается и на «детей». Но теперь нам понятна эта любовь, и на основании последнего романа г. Тургенева можно положительно сказать, что критика ошибалась в объяснении прежних его произведений, вносила в них свои собственные мысли, находила смысл и значение, не принадлежавшие самому автору, по понятиям которого у героев его плоть была бодра, а дух немощен, они не имели здравых понятий, и самые стремления их были незаконны, не имели веры, то есть ничего не принимали на веру, во всем сомневались, не имели любви и чувства и потому, естественно, погибали бесплодно. Главный герой последнего романа есть тот же Рудин, с некоторыми изменениями в слоге и выражениях; он новый, современный герой, а потому еще ужаснее Рудина по своим понятиям и бесчувственнее его; он настоящий асмодей; время же недаром шло, и герои развивались прогрессивно в своих дурных каче-

ствах. Прежние герои г. Тургенева подходят под категорию «детей» нового романа и должны нести на себе всю тяжесть презрения, упреков, выговоров и насмешек, которым подвергаются теперь «дети». Стоит только прочесть последний роман, чтобы вполне убедиться в этом; но критика наша, пожалуй, не захочет сознаться в своей ошибке; поэтому опять нужно приниматься доказывать то, что ясно и без доказательств. Мы приведем только одно доказательство. – Известно, как поступили с любимыми женщинами Рудин и безымянный герой «Аси»; они с холодностью оттолкнули их в ту минуту, когда те беззаветно, с любовью и страстью отдавались им и, так сказать, врывались в их объятия. Критика бранила за это героев, называла их людьми вялыми, не имеющими мужественной энергии, и говорила, что настоящий разумный и здоровый мужчина на их месте поступил бы совершенно иначе. А между тем для самого г. Тургенева эти поступки и были хороши. Если бы герои поступили так, как требует наша критика, г. Тургенев назвал бы их людьми низкими и безнравственными, достойными презрения. Главный герой последнего романа, как нарочно, хотел поступить с любимой женщиной как раз в смысле критики; зато г. Тургенев и представил его грязным и пошлым циником и заставил женщину с презрением отвернуться и даже отскочить от него «далеко в угол». Так точно и в других случаях критика обыкновенно хвалила в героях г. Тургенева именно то, что ему самому казалось достойным порицания и что он дей-

ствительно и порицает в «детях» последнего романа, с которым мы будем иметь честь познакомиться сию же минуту.

Выражаясь ученым слогом – концепция романа не представляет никаких художественных особенностей и хитростей, ничего замысловатого; действие его также очень просто и происходит в 1859 году, стало быть уже в наше время. Главное действующее лицо, первый герой, представитель молодого поколения, есть Евгений Васильевич Базаров, медик, юноша, умный, прилежный, знающий свое дело, самоуверенный до дерзости, но глупый, любящий кутеж и крепкие напитки, проникнутый самыми дикими понятиями и нерассудительный до того, что его все дурачат, даже простые мужички. Сердца у него вовсе нет; он бесчувственен – как камень, холоден – как лед и свиреп – как тигр. У него есть друг, Аркадий Николаевич Кирсанов, кандидат петербургского университета, какого факультета – не сказано, юноша чувствительный, добросердечный, с невинной душой; к сожалению, он подчинился влиянию своего друга Базарова, который старается всячески притупить чувствительность его сердца, убить своими насмешками благородные движения его души и внушить ему презрительную холодность ко всему; как только обнаружит он какой-нибудь возвышенный порыв, друг тотчас же и осадит его своей презрительной иронией. Базаров имеет отца и мать; отец, Василий Иванович, старый медик, живет с женою в небольшом своем именице; добрые старички любят своего Енюшеньку до бесконеч-

ности. Кирсанов тоже имеет отца, значительного помещика, живущего в деревне; жена у него померла, и он живет с Фенечкой, милым созданием, дочерью его ключницы; в доме у него живет брат его, стало быть дядя Киранова, Павел Петрович, человек холостой в юности столичный лев, а под старость – деревенский фат, до бесконечности погруженный в заботы о франтовстве, но непобедимый диалектик, на каждом шагу поражающий Базарова и своего племянника. Действие начинается тем, что молодые друзья приезжают в деревню к отцу Кирсанова, и Базаров вступает в спор с Павлом Петрова чем, тут же высказывает ему свои мысли и свое направление и слышит от него опровержение их. Потом друзья отправляются в губернский город; там они встретили Ситникова, глуповатого малого, находившегося тоже под влиянием Базарова, познакомились с Eudoxie Кукшиной, которая представлена как «передовая женщина», «Èмансипрèе⁴ в истинном смысле слова». Оттуда они поехали в деревню к Анне Сергеевне Одинцовой, вдове души возвышенной, благородной и аристократической; в нее и влюбился Базаров; но она, увидав его пошлую натуру и цинические наклонности, почти прогнала его от себя. Кирсанов же, сначала влюбившийся было в Одинцову, влюбился потом в сестру ее Катю, которая своим влиянием на его сердце старалась искоренить в нем следы влияния друга. Затем друзья поехали к отцам Базарова, которые встретили сына с величайшей радо-

⁴ Эмансипированная, свободная от предрассудков (*франц.*).

стью; но он, несмотря на всю их любовь и на страстное желание как можно долее наслаждаться присутствием сына, поспешил уехать от них, и вместе с другом снова отправился к Кирсановым. В доме Кирсановых Базаров, подобно древнему Парису⁵, «нарушил все права гостеприимства», поцеловал Фенечку, потом подрался на дуэли с Павлом Петровичем и опять возвратился к отцам, где и умер, призвав к себе перед смертью Одинцову и сказав ей несколько уже известных нам комплиментов насчет ее наружности. Кирсанов женился на Кате и жив до сих пор.

Вот и все внешнее содержание романа, формальная сторона его действия и все действующие лица; остается теперь познакомиться поближе с внутренним содержанием, с тенденциями, узнать сокровенные качества отцов и детей. Итак, каковы же отцы, старое поколение? Как уже замечено было выше, отцы представлены в самом лучшем виде. Я, рассуждал про себя г. Тургенев, не говорю о тех отцах и о том старом поколении, которое представляет надутая княжна Х...ая, не терпевшая молодежи и дувшаяся на «новых оголтелых» Базарова и Аркадия; я буду изображать лучших отцов лучшего поколения. (Вот теперь уж и ясно, для чего княжне Х...ой отведены в романе две странички.) Отец Кирсанова, Николай Петрович, примерный человек во всех отно-

⁵ *Парис* – образ из древнегреческой мифологии, одно из действующих лиц «Илиады» Гомера; сын троянского царя Приама, будучи в гостях у царя Спарты Менелая, похитил его жену Елену, из-за чего возникла Троянская война.

шениях; сам он, несмотря на свое генеральское происхождение, воспитывался в университете и имел степень кандидата и сыну дал высшее образование; доживши почти до старых лет, он не переставал заботиться о дополнении своего собственного образования. Все силы употреблял на то, чтобы не отстать от века, следил за современными движениями и вопросами; «прожил три зимы в Петербурге, почти никуда не выходя и стараясь заводить знакомства с *молодыми* товарищами сына; по целым дням просиживал над *новейшими* сочинениями, прислушивался к разговорам *молодых людей* и радовался, когда ему удавалось вставить и свое слово в их кипучие речи» (стр. 523). Николай Петрович не любил Базарова, но побеждал свою нелюбовь, «охотно слушал его, охотно присутствовал при его физических и химических опытах; он бы каждый день приходил, как он выражался, учиться, если бы не хлопоты по хозяйству; он не стеснял молодого естествоиспытателя: садился где-нибудь в уголок комнаты и глядел внимательно, изредка позволяя себе осторожный вопрос» (стр. 606). Он хотел сблизиться с молодым поколением, проникнуться его интересами, чтобы вместе с ним, дружно, рука об руку, идти к общей цели. Но молодое поколение грубо оттолкнуло его от себя. Он хотел сойтись с сыном, чтобы с него начать свое сближение с молодым поколением; но Базаров воспрепятствовал этому, он постарался унижить отца в глазах сына и тем прервал между ними всякую нравственную связь. «Мы, – говорил отец сыну, – заживем с

тобой на славу, Аркаша; нам надобно теперь тесно сойтись друг с другом, узнать друг друга хорошенько, не правда ли?» Но о чем бы они ни заговорили между собой, Аркадий всегда начинает резко противоречить отцу, который приписывает это – и совершенно справедливо – влиянию Базарова. Отец, например, говорит сыну о любви к родимым местам: ты здесь родился, тебе все должно казаться здесь чем-то особенным. «Ну, папаша, – отвечает сын, – это совершенно все равно, где бы человек ни родился». Эти слова огорчили отца, и он посмотрел на сына не прямо, а «сбоку» и прекратил разговор. Но сын все еще любит отца и не теряет надежды когда-нибудь сблизиться с ним. «Отец у меня, – говорит он Базарову, – золотой человек». – «Удивительное дело, – отвечает тот, – эти старенькие романтики! Разовьют в себе нервную систему до раздражения, ну, равновесие и нарушено». В Аркадии заговорила сыновья любовь, он вступает за отца, говорит, что друг еще недостаточно его знает. Но Базаров убил в нем и последний остаток сыновней любви следующим презрительным отзывом: «Твой отец добрый малый, но он человек отставной, его песенка спета. Он читает Пушкина. Растолкуй ему, что это никуда не годится. Ведь он не мальчик: пора бросить эту ерунду. Дай ему что-нибудь дельное, хоть бюхнерово *Stoff und Kraft*⁶ на первый случай».

⁶ «*Stoff und Kraft*» (правильно: «*Kraft und Stoff*» – «Сила и материя») – книга немецкого физиолога и пропагандиста идей вулгарного материализма Людвиг Бюхнера. В русском переводе появилась в 1860 году.

Сын вполне согласился с словами друга и почувствовал к отцу сожаление и презрение. Отец случайно подслушал этот разговор, который поразил его в самое сердце, оскорбил до глубины души, убил в нем всякую энергию, всякую охоту к сближению с молодым поколением; он и руки опустил, испугавшись пропасти, которая отделяла его от молодых людей. «Что ж, – говорил он после этого, – может быть, Базаров и прав; но мне одно больно: я надеялся тесно и дружески сойтись с Аркадием, а выходит, что я остался назади, он ушел вперед, и понять мы друг друга не можем. Кажется, я все делаю, чтобы не отстать от века: крестьян устроил, ферму завел, так что меня во всей губернии *красным* величают; читаю, учусь, вообще стараюсь стать в уровень с современными потребностями, а они говорят, что песенка моя спета. Да я и сам начинаю так думать» (стр. 514). Вот какие вредные действия производит заносчивость и нетерпимость молодого поколения; одна выходка мальчишки сразила гиганта, он усомнился в своих силах и увидел бесплодность своих усилия отстать от века. Таким образом молодое поколение по собственной вине лишилось содействия и поддержки со стороны человека, который бы мог быть очень полезным деятелем, потому что одарен был многими прекрасными качествами, которых недостает молодежи. Молодежь холодна, эгоистична, не имеет в себе поэзии и потому ненавидит ее везде, не имеет высших нравственных убеждений; тогда как этот человек имел душу поэтическую и, несмотря на

то, что умел устроить ферму, сохранил поэтический жар до преклонных лет, а главное, был проникнут самыми твердыми нравственными убеждениями.

«Медлительные звуки виолончели долетели до них (Аркадия с Базаровым) из дому в это самое мгновение. Кто-то играл с чувством, хотя и неопытной рукой *Ожидание* Шуберта, и медом разливалась по воздуху сладостная мелодия.

– Это что? – произнес с изумлением Базаров.

– Это отец.

– Твой отец играет на виолончели?

– Да.

– Да сколько твоему отцу лет?

– Сорок четыре.

Базаров вдруг расхохотался.

– Чему же ты смеешься?

– Помилуй! в сорок четыре года, человек, *pater familias*⁷ в...м уезде – играет на виолончели!

Базаров продолжал хохотать; но Аркадий, как ни благоговел перед своим учителем, на этот раз даже не улыбнулся».

«Николай Петрович потупил голову и провел рукой по лицу.

„Но отвергать поэзию? – подумал Николай Петрович, – не сочувствовать художеству, природе!“ (Как поступает молодежь.)

И он посмотрел кругом, как бы желая понять, как можно

⁷ Отец семейства (*лат.*).

не сочувствовать природе. Уже вечерело; солнце скрылось за небольшую осиновую рощу, лежавшую в полверсте от сада: тень от нее без конца тянулась через неподвижные поля. Мужичок ехал рысцой на белой лошадке по темной узкой дорожке вдоль самой рощи: он весь был ясно виден, весь, до заплаты на плече, даром что ехал в тени» (заплата – вещь живописная, поэтическая, против этого кто говорит, но при виде ее не мечтается, а думается, что без заплаты было бы лучше, хоть и менее поэтично); «приятно, отчетливо мелькали ноги лошадки. Солнечные лучи со своей стороны забирались в рощу и, пробиваясь сквозь чащу, обливали стволы осин таким теплым светом, что они становились похожи на стволы сосен (от теплоты света?), и листва их почти синела (тоже от теплоты?), и над нею поднималось бледно-голубое небо, чуть обрумненное зарей. Ласточки летали высоко; ветер совсем замер; запоздалые пчелы лениво и сонливо жужжали в цветах сирени; мошки толклись столбом над одинокою, далеко протянутою веткой. „Как хорошо; боже мой!“ – подумал Николай Петрович, и любимые стихи пришли было ему на уста: он вспомнил Аркадия, Stoff und Kraft и умолк, но продолжал сидеть, продолжал предаваться горестной и отрадной игре одиноких дум.

Он приподнялся и хотел возвратиться домой; но размягченное сердце не могло успокоиться в его груди, и он стал медленно ходить по саду, то задумчиво глядя себе под ноги, то поднимая глаза к небу, где уже роились и перемигивались

звезды. Он ходил много, почти до усталости, а тревога в нем, какая-то ищущая, неопределенная, печальная тревога все не унималась. О, как Базаров посмеялся бы над ним, если б он узнал, что в нем тогда происходило! Сам Аркадий осудил бы его. У него, у сорокачетырехлетнего человека, агронома и хозяина, наворачивались слезы, беспричинные слезы; это было во сто раз хуже виолончели» (стр. 524–525).

И такого-то человека оттолкнула от себя молодежь и даже помешала ему продекламировать «любимые стихи». Но главное его достоинство заключалось все-таки в его строгой нравственности. После смерти своей нежно им любимой супруги он решился жить с Фенечкой, вероятно после упорной и продолжительной борьбы с самим собою; он постоянно мучился и стыдился самого себя, чувствовал угрызения и упреки совести до тех пор, пока не сочетался законным браком с Фенечкой. Он чистосердечно и откровенно исповедался перед сыном в своем грехе, в незаконном сожитии до брака. И что же? Оказалось, что молодое поколение вовсе не имеет нравственных убеждений на этот счет; сын вздумал уверять отца, что это ничего, что жить с Фенечкой до брака вовсе не предосудительный поступок, что это дело самое обыкновенное, что, следовательно, отец стыдился ложно и напрасно. Такие слова глубоко возмутили нравственное чувство отца. А все-таки в Аркадии оставалась еще частичка сознания нравственных обязанностей, и он находил, что отец должен вступить непременно в законный брак с Фенеч-

кой. Но друг его, Базаров, уничтожил своей иронией и эту частичку. «Эге-ге! – сказал он Аркадию. – Вот мы какие великодушные! Ты придаешь еще значение браку; я этого от тебя не ожидал». Понятно, как после этого Аркадий смотрел на поступок отца.

«– Строгий моралист, – говорил отец сыну, – найдет мою откровенность неуместною, но, во-первых, это скрыть нельзя, а во-вторых, тебе известно, у меня всегда были особенные принципы насчет отношений отца к сыну. Впрочем, ты, конечно, будешь вправе осудить меня. В мои лета... Словом, эта... эта девушка, про которую ты, вероятно, уже слышал...

– Фенечка? – развязно спросил Аркадий.

Николай Петрович покраснел.

– Конечно, мне должно быть совестно, – говорил Николай Петрович, все более и более краснея.

– Полно, папаша, полно, сделай одолжение! – Аркадий ласково улыбнулся. „В чем извиняется!“ – подумал он про себя, и чувство снисходительной нежности к доброму и мягкому отцу, смешанное с ощущением какого-то *тайного превосходства*, наполнило его душу. – Перестань, пожалуйста, – повторил он еще раз, невольно наслаждаясь *сознанием* собственной развитости и свободы» (стр. 480–481).

«– Может быть, – проговорил отец, – и она предполагает... она стыдится...

– Напрасно ж она стыдится. Во-первых, тебе известен мой образ мыслей (Аркадию очень было приятно произнести эти

слова), а во-вторых – захочу ли я хоть на волос стеснять твою жизнь, твои привычки? Притом, я уверен, ты не мог сделать дурной выбор; если ты позволил ей жить с тобой под одною кровлей, стало быть она это заслуживает; во всяком случае, сын отцу не судья, и в особенности я, и в особенности такому отцу, который, как ты, никогда и ни в чем не стеснял моей свободы.

Голос Аркадия дрожал сначала, он чувствовал себя великодушным, однако в то же время понимал, что читает нечто вроде наставления своему отцу; но звук собственных речей сильно действует на человека, и Аркадий произнес последние слова твердо, даже с эффектом!» (яйца курицу учат) (стр. 489).

Отец и мать Базарова еще лучше, еще добрее, чем родитель Аркадия. Отец так же точно не желает отстать от века; а мать только и живет, что любовью к сыну и желанием угодить ему. Их общая, нежная привязанность к Енюшеньке изображена г. Тургеневым очень увлекательно и живо; тут самые лучшие страницы во всем романе. Но тем отвратительнее кажется нам то презрение, которым платит Енюшенька за их любовь, и та ирония, с какою относится он к их нежным ласкам. Аркадий, – уж и видно, что добрая душа, – вступается за родителей своего друга, но он и его самого осмеивает. «Я, – говорит о себе отец Базарова, Василий Иванович, – того мнения, что для человека мыслящего нет захолустья. По крайней мере я стараюсь не зарости, как гово-

рится, мхом, не отстать от века». Несмотря на свои преклонные лета, он всякому готов помогать своими медицинскими советами и средствами; в болезнях все обращаются к нему, и всех он удовлетворяет, как может. «Ведь я, – говорит он, – от практики отказался, а раза два в неделю приходится стариной тряхнуть. Идут за советом – нельзя же гнать в шею. Случается, бедные прибегают к помощи. – Одной бабе, которая жаловалась на гнетку⁸, я вливал опиум; а другой зуб вырвал. И это я делаю *gratis*⁹» (стр. 586). «Я боготворю моего сына; но я не смею при нем высказывать свои чувства, потому что он этого не любит». Его супруга любила своего сына «и боялась его несказанно». – Посмотрите же теперь, как обходится с ними Базаров.

«– Сегодня меня дома ждут, – говорил он Аркадию. – Ну, подождут, что за важность! – Василий Иванович отправился в свой кабинет и, прикурнув на диване в ногах у сына, собирался было поболтать с ним; но Базаров тотчас его отослал, говоря, что ему спать хочется, а сам не заснул до утра. Широко раскрыв глаза, он злобно смотрел в темноту: воспоминания детства не имели власти над ним» (стр. 584). «Однажды отец стал рассказывать свои воспоминания.

– Много, много испытал я на своем веку. Вот, например, если позволите, я вам расскажу любопытный эпизод чумы в Бессарабии.

⁸ *Гнетка* – болезнь, недомогание.

⁹ Бесплатно (*лат.*).

– За который получил Владимира? – подхватил Базаров. – Знаем, знаем... Кстати, отчего ты его не носишь?

– Ведь я тебе говорил, что я не имею предрассудков, – пробормотал Василий Иванович (он только накануне велел спороть красную ленточку с сюртука) и принялся рассказывать эпизод чумы. – А ведь он заснул, – шепнул он вдруг Аркадию, указывая на Базарова и добродушно подмигнув. – Евгений! вставай! – прибавил он громко» (какая жестокость! уснуть от рассказов отца!) (стр. 596).

«– Вот тебе на! Презабавный старикашка, – прибавил Базаров, как только Василий Иванович вышел. – Такой же чудак, как твой, только в другом роде. – Много уж очень болтает.

– И мать твоя, кажется, прекрасная женщина, – заметил Аркадий.

– Да, она у меня без хитрости. Обед нам посмотри какой задаст.

– Нет! – говорил он на следующий день Аркадию, – уеду отсюда завтра. Скучно; работать хочется, а здесь нельзя. Отправлюсь опять к вам в деревню; я же там все свои препараты оставил. У вас по крайней мере запереться можно. А здесь отец мне все твердит: „мой кабинет к твоим услугам – никто тебе мешать не будет“, а сам от меня ни на шаг. Да и совестно как-то от него запирается. Ну и мать тоже. Я слышу, как она вздыхает за стеной, а выйдешь к ней – и сказать ей нечего.

– Очень она огорчится, – промолвил Аркадий, – да и он

тоже.

– Я к ним еще вернусь.

– Когда?

– Да вот как в Петербург поеду.

– Мне твою мать особенно жалко.

– Что так? Ягодами, что ли, она тебе угодила?

Аркадий опустил глаза» (стр. 598).

Вот каковы (отцы! Они, в противоположность детям, проникнуты любовью и поэзией, они люди нравственные, скромно и втихомолку делающие добрые дела; они ни за что не хотят отстать от века. Даже такой пустой фат, как Павел Петрович, и тот поднят на ходули и выставлен человеком прекрасным. «Для него молодость прошла, но старость еще не наступила; он сохранил юношескую стройность и то стремление вверх, прочь от земли, которое большею частью исчезает после двадцатых годов». Это человек тоже с душой и поэзией; в юности он любил страстно, возвышенную любовь одну даму, «в которой было что-то заветное и недоступное, куда никто не мог проникнуть, и что гнездилось в этой душе – бог весть», и которая много смахивает на г-жу Свечину. Когда она разлюбила его, он как бы умер для мира, но свято сохранил свою любовь, не влюбился в другой раз, «не ждал ничего особенного ни от себя, ни от других, и ничего не предпринимал», и потому остался жить в деревне у брата. Но он жил не бесполезно, читал много, «отличался безукоризненною честностью», любил брата, помо-

гал ему своими средствами и мудрыми советами. Когда, бывало, брат рассердится на мужичков и хочет их наказывать, Павел Петрович вступался за них и говорил ему: «*du calme, du calme*»¹⁰. Он отличался любознательностью и всегда с самым напряженным вниманием следил за опытами Базарова, несмотря на то, что имел полное право ненавидеть его. Самым же лучшим украшением Павла Петровича была его нравственность. – Базарову понравилась Фенечка, «и Фенечке понравился Базаров»; «он однажды крепко поцеловал ее в раскрытые губы», чем и «нарушил все права гостеприимства» и все правила нравственности. «Сама же Фенечка хотя и уперлась обеими руками в его грудь, но уперлась слабо, и он мог возобновить и продлить свой поцелуй» (стр. 611). Павел же Петрович был даже влюблен в Фенечку, несколько раз приходил в ее комнату «ни за чем», несколько раз оставался с ней наедине; но он не был настолько низок, чтобы поцеловать ее. Напротив, он настолько был благороден, что из-за поцелуя подрался с Базаровым на дуэли, настолько благороден, что только однажды «прижал ее руку к своим губам, и так приник к ней, не целуя ее и только изредка судорожно вздыхая» (буквально так, стр. 625), и наконец настолько был самоотвержен, что сказал ей: «любите моего брата, не изменяйте ему ни для кого на свете, не слушайте ничьих речей»; и, чтоб долее не соблазняться Фенечкой, он уехал за границу, «где его можно видеть и теперь в Дрезде-

¹⁰ Спокойствие, спокойствие (*франц.*).

не на Брюлевской террасе¹¹, между двумя и четырьмя часами» (стр. 661). И этот-то умный, солидный человек прегордо обращается с Базаровым, даже руки ему не дает, и до самозабвения погружается в заботы о франтовстве, умащает себя благовониями, щеголяет английскими костюмами, фесками и тугими воротничками, «с неумолимостью упиравшимися в подбородок»; ногти у него такие розовые и чистые, «хоть на выставку посылай». Ведь это все смешно, говорил Базаров, – и правда. Конечно, и неряшество нехорошо; но и излишние заботы о щегольстве показывают в человеке пустоту и отсутствие серьезности. Может ли такой человек быть любознательным, может ли он с своими благовониями, с белыми ручками и розовыми ногтями взяться серьезно за изучение чего-нибудь грязного или зловонного? Сам же г. Тургенев так выразился о своем любимце Павле Петровиче: «раз даже он приблизил свое раздушенное и вымытое отличным снадобьем лицо к микроскопу, для того чтобы посмотреть, как прозрачная инфузория глотала зеленую пылинку». Экой подвиг, подумаешь; но если б под микроскопом лежала не инфузория, а какая-нибудь вещь – фи! – если б ее нужно было взять благовонными ручками, Павел Петрович отказался бы от своей любознательности; он даже не вошел бы в комнату к Базарову, если бы в ней был очень сильный меди-

¹¹ *Брюлевская терраса* – место гуляния и торжеств в Дрездене перед дворцом графа Генриха Брюля (1700–1763), министра Августа III, курфюрста саксонского.

ко-хирургический запах. И такого-то человека выдают за серьезного, жаждущего знаний; – что за противоречие такое! к чему неестественное сочетание свойств, исключających одно другое, – пустоты и серьезности? Какой же вы, читатель, недогадливый; да это нужно было для тенденции. Припомните, что старое поколение уступает молодежи тем, что в нем «больше следов барства»; но это, конечно, неважность и пустяки; а в существе дела старое поколение ближе к истине и серьезнее молодого. Вот эта-то идея серьезности старого поколения с следами барства в виде лица, вымытого отличным снадобьем, и в тугих воротничках, и есть Павел Петрович. Этим же объясняются и несообразности в изображении характера Базарова. Тенденция требует: в молодом поколении меньше следов барства; в романе поэтому и говорится, что Базаров возбуждал к себе доверие в людях низших, они привязывались к нему и любили его, видя в нем не барина. Другая тенденция требует: молодое поколение ничего не смыслит, ничего не может сделать хорошего для отечества; роман и исполняет это требование, говоря, что Базаров не умел даже понятно говорить с мужиками, а не то чтоб еще возбудить к себе доверие; они и издевались над ним, видя в нем пожалованную ему автором глупость. Тенденция, тенденция испортила все дело, – «все француз гадит!»

Итак, высокие преимущества старого поколения пред молодым несомненны; но они будут еще несомненнее, когда мы рассмотрим подробнее качества «детей». Каковы же «де-

ти»? Из тех «детей», которые выведены в романе, только один Базаров представляется человеком самостоятельным и неглупым; под какими влияниями сложился характер Базарова, из романа не видно; неизвестно также, откуда он заимствовал свои убеждения и какие условия благоприятствовали развитию его образа мыслей. Если б г. Тургенев подумал об этих вопросах, он непременно изменил бы свои понятия об отцах и детях. Г-н Тургенев ничего не сказал про то участие, какое могло принимать в развитии героя изучение естественных наук, составлявших его специальность. Он говорит, что герой принял известное направление в образе мыслей вследствие ощущения; что это значит – понять нельзя; но чтоб не оскорбить философской проницательности автора, мы видим в этом ощущении просто только поэтическую остроту. Как бы то ни было, мысли Базарова самостоятельны, они принадлежат ему, его собственной деятельности ума; он учитель; другие «дети» романа, глуповатые и пустые, слушают его и только бессмысленно повторяют его слова. Кроме Аркадия, таков, например. Ситников, которого автор при всяком удобном случае корит тем, что его «батюшка все по откупам». Ситников считает себя учеником Базарова и обязанным ему своим перерождением: «поверите ли, – говорил он, – что когда при мне Евгений Васильевич сказал, что не должно признавать авторитетов, я почувствовал такой восторг... словно прозрел! Вот, подумал я, наконец нашел я человека!» Ситников рассказал учителю

о Eudoxie Кукшиной, образчике современных дочерей. Базаров тогда только согласился отправиться к ней, когда ученик уверил его, что у нее будет много шампанского. Они отправились. «В передней встретила их какая-то не то служанка, не то компаньонка в чепце, – явные признаки прогрессивных стремлений хозяйки», язвительно замечает г. Тургенев. Другие признаки состояли в следующем: «на столе валялись нумера русских журналов, большею частью неразрезанные; везде белели окурки папирос; Ситников развалился в креслах и задрал ногу кверху; разговор идет о Жорж-Занде и Прудоне; наши женщины дурно воспитаны; нужно изменить систему их воспитания; долой авторитеты; долой Маколея; Жорж-Занд, по словам Eudoxie, и не слыхивала об эмбриологии». Но самый главный признак такой:

«– Мы вот добрались, – сказал Базаров, – до последней капли.

– Чего? – перебила Евдоксия.

– Шампанского, почтеннейшая Авдотья Никитишна, шампанского – не вашей крови.

Завтрак продолжался долго. За первую бутылкой шампанского последовала другая, третья и даже четвертая... Евдоксия болтала без умолку; Ситников ей вторил. Много толковали они о том, что такое брак – предрассудок или преступление? и какие рождаются люди – одинаковые или нет? и в чем, собственно, состоит индивидуальность? Дело дошло наконец до того, что Евдоксия, вся красная от выпитого вина

(фи!) и стуча *плоскими* ногтями по клавишам расстроенного фортепиано, принялась петь сиплым голосом сперва цыганские песни, потом романс Сеймур-Шиффа: „Дремлет сонная Гренада“¹², а Ситников повязал голову шарфом и представлял замирающего любовника, при словах:

И уста твои с моими
В поцелуй горячий слить!

Аркадий не вытерпел наконец. „Господа, уж это что-то на Бедлам похоже стало“, заметил он вслух. Базаров, который лишь изредка вставлял в разговор насмешливое слово – *он занимался большие шампанским*, – громко зевнул, встал и, не прощаясь с хозяйкой, вышел вон вместе с Аркадием. Ситников выскочил вслед за ними» (стр. 536–537). – Затем Кукшина «попала за границу. Она теперь в Гейдельберге; по-прежнему *якшется* с студентами, особенно с молодыми русскими физиками и химиками, которые удивляют профессоров своим совершенным бездействием и абсолютною ленью» (стр. 662).

Браво, молодое поколение! отлично подвизается за прогресс; и какое же сравнение с умными, добрыми и нравственно-степенными «отцами»? Даже лучший представитель его оказывается пошлейшим господином. Но все-таки он лучше

¹² «Дремлет сонная Гренада» – неточная строка из романса «Ночь в Гренаде», музыка Г. Сеймура-Шиффа на слова К. Тарковского. Последующее двустипение – строки того же романса, неточно приведенные у Тургенева.

других; он говорит с сознанием и высказывает собственные суждения, ни от кого не заимствованные, как оказывается из романа. Мы и займемся теперь этим лучшим экземпляром молодого поколения. Как сказано выше, он представляется человеком холодным, неспособным к любви, ни даже к самой обыкновенной привязанности; даже женщину он не может любить поэтической любовью, которая так привлекательна в старом поколении. Если, по требованию животного чувства, он и полюбит женщину, то полюбит одно только тело ее; душу в женщине он даже ненавидит; он говорит, «что ей совсем и понимать не нужно серьезной беседы и что свободно мыслят между женщинами только уроды». Эта тенденция в романе олицетворяется следующим образом. На бале у губернатора Базаров увидел Одинцову, которая поразила его «достоинством своей осанки»; он и влюбился в нее, то есть, собственно, не влюбился, а почувствовал к ней какое-то ощущение, похожее на злобу, которое г. Тургенев старается охарактеризовать такими сценами:

«Базаров был великий охотник до женщин и до женской красоты, но любовь в смысле идеальном, или, как он выражался, романтическом, называл белибердой, непростительной дурью. – „Нравится тебе женщина, – говорил он, – старайся добиться толку, а нельзя – ну, не надо, отвернись – земля не клином сошлась“». «Одинцова ему нравилась», следовательно...

«– Мне сейчас сказывал один барин, – говорил Базаров,

обращаясь к Аркадию, – что эта госпожа – ой, ой; да барин, кажется, дурак. Ну, а по-твоему, что она, точно – ой-ой-ой?

– Я этого определенья не совсем понимаю, – отвечал Аркадий.

– Вот еще! Какой невинный!

– В таком случае я не понимаю твоего барина. Одинцова очень мила – бесспорно, но она так холодно и строго себя держит, что...

– В тихом омуте... ты знаешь! – подхватил Базаров. – Ты говоришь, она холодна. *В этом-то самый вкус и есть.* Ведь ты любишь мороженое.

– Может быть, – пробормотал Аркадий, – я об этом судить не могу.

– Ну? – говорил Аркадий ему на улице: – ты все того же мнения, что она – ой-ой-ой?

– А кто ее знает! Вишь, как она себя заморозила, – возразил Базаров и, помолчав немного, прибавил: – герцогиня, владетельная особа. Ей бы только шлейф сзади носить да корону на голове.

– Наши герцогини так по-русски не говорят, – заметил Аркадий.

– В переделке была, братец ты мой, *нашего хлеба покушала.*

– А все-таки она прелесть, – промолвил Аркадий.

– *Эдакое богатое тело!* – продолжал Базаров, – хоть сейчас в анатомический театр.

– Перестань, ради бога, Евгений! это ни на что не похоже.

– Ну, не сердись, неженка. Сказано – первый сорт. Надо будет поехать к ней» (стр. 545). «Базаров встал и подошел к окну (в кабинете Одинцовой, наедине с нею).

– Вы желали бы знать, что во мне происходит?

– Да, – повторила Одинцова, с каким-то ей еще непонятным испугом.

– И вы не рассердитесь?

– Нет.

– Нет? – Базаров стоял к ней спиной. – Так знайте же, что я люблю вас глупо, безумно... Вот чего вы добились.

Одинцова протянула вперед обе руки, а Базаров уперся лбом в стекло окна. Он задыхался: все тело его видимо *трепетало*. Но это было не трепетание юношеской робости, не сладкий ужас первого признания овладел им: это страсть в нем билась, сильная и тяжелая, – страсть, похожая на злобу и, быть может, сродни ей... Одинцовой стало и страшно и жалко его. (– Евгений Васильевич, – проговорила она, и невольная нежность зазвенела в ее голосе.

Он быстро обернулся, бросил на нее пожирающий взор – и, схватив ее обе руки, внезапно привлек ее к себе на грудь...

Она не тотчас освободилась из его объятий; но мгновенье спустя она уже стояла далеко в углу и глядела оттуда на Базарова» (догадалась, в чем дело).

«Он рванулся к ней...

– Вы меня не поняли, – прошептала она с торопливым

испугом. Казалось, шагни он еще раз, она бы вскрикнула... Базаров закусил губы и вышел» (туда ему и дорога).

«Она до обеда не показывалась, и все ходила взад и вперед по своей комнате, и медленно проводила платком по шее, на которой ей все чудилось горячее пятно (должно быть, мерзкий поцелуй Базарова). Он выпрашивала себя, что заставляло ее „добиваться“, по выражению Базарова, его откровенности, и не подозревала ли она чего-нибудь... „Я виновата, – промолвила она вслух, – но я это не могла предвидеть“. Она задумывалась и краснела, вспоминая почти зверское лицо Базарова, когда он бросился к ней».

Вот несколько черт тургеневской характеристики «детей», черты действительно неказистые и не лестные для молодого поколения, – что же делать? С ними нечего было бы делать и нечего было бы сказать против них, если бы роман Г. Тургенева был обличительного повестью в модерантивном духе¹³, то есть вооружался бы против злоупотреблений дела, а не против его сущности, как, например, в повестях взяточных восставали не против чиновничества, а только против злоупотреблений чиновничьих, против взяток; само же чиновничество оставалось неприкосновенным; были дурные чиновники, их и обличали. В этом случае смысл романа-вот какие «дети» попадают иногда! – был бы непоколебим. Но,

¹³ ...в модерантивном духе... – в духе умеренного прогресса. Модерантистами называли в эпоху Великой французской революции жирондистов. Здесь имеется в виду либерально-обличительное направление в литературе и журналистике.

судя по тенденциям романа, он принадлежит к форме обличительной, радикальной и походит на повести, положим, откупные, в которых выражалась мысль об уничтожении самого откупа, не только его злоупотреблений; смысл романа, как мы уже заметили выше, совершенно другой – вот как дурны «дети»! Но возражать и против такого смысла в романе как-то неловко; пожалуй, обличат в пристрастии к молодому поколению, а что еще хуже, станут укорять в недостатке самообличения. Поэтому пускай кто хочет защищает молодое поколение, только не мы. Вот женское молодое поколение, это другое дело; тут мы в стороне, и никакое самовосхваление и самообличение невозможно. – Вопрос о женщинах «поднят» недавно, на наших глазах и без ведома г. Тургенева; «поставлен» он совершенно неожиданно, и для многих почтенных господ, как, например, для «Русского вестника», был совершеннейшим сюрпризом, так что этот журнал, по поводу безобразного поступка прежнего «Века»¹⁴, с недоумением спрашивал: о чем хлопочут русские женщины, чего им недостает и чего они хотят? Женщины, к удивлению почтенных господ, отвечали, что они хотят, между прочим, учиться тому, чему

¹⁴ В № 8 за 1861 год журнал «Век» опубликовал статью Камня-Виногорова (псевдоним П. Вейнберга) «Русские диковинки», направленную против эмансипации женщин. Статья вызвала ряд протестов демократической печати, в частности выступление М. Михайлова в «С.-Петербургских ведомостях» – «Безобразный поступок „Века“» (1861, № 51, 3 марта). «Русский вестник» откликнулся на эту полемику анонимной статьей в отделе «Литературное обозрение и заметки» под заглавием «Наш язык и что такое свистуны» (1862, № 4), где поддерживал позицию «Века» против демократической печати.

учат мужчин, учиться не в пансионах и институтах, а в других местах. Нечего делать, открыли для них гимназию; нет, говорят они, и этого мало, подавай нам больше; они захотели «покушать нашего хлеба», не в грязном смысле г. Тургенева, а в смысле того хлеба, которым живет развитой, разумный человек. Дали ли им больше и взяли ли они больше, – это с точностью неизвестно. А действительно есть и такие эмансипированные женщины, как Eudoxie Кукшина, хотя все-таки, может быть, не напиваются шампанским; болтают же так точно, как и она. Но и при этом нам кажется несправедливостью выставлять ее как образчик современной эмансипированной женщины с прогрессивными стремлениями. Г-н Тургенев, к сожалению, наблюдает отечество из прекрасного далека; вблизи он бы увидел женщин, которых с большей справедливостью можно было бы изобразить вместо Кукшиной как экземпляры современных дочерей. Женщины, особенно в последнее время, довольно часто стали появляться в разных школах в качестве учительниц безмездных, а в более ученых – в качестве учениц. Вероятно, и у них, г. Тургенев, возможна настоящая любознательность и действительная потребность знания. Иначе что же за охота была бы им таскаться и просиживать по несколько часов где-нибудь в душных и неблагоприятных классах и аудиториях, вместо того чтоб пролежать это время где-нибудь в более комфортабельном месте, на мягких диванах, и любоваться Татьяной Пушкина или хоть вашими произведениями? Павел Петрович,

по вашим же словам, удостоил поднести умащенное снадобьями лицо к микроскопу; а некоторые из живых дочерей считают за честь для себя поднести свое неумашенное лицо к вещам, которые еще более – фи! чем микроскоп с инфузориями. Случается, что под руководством какого-нибудь студента молодые девицы собственными руками, понежнее ручек Павла Петровича, разрезавают неблаговонный труп и даже смотрят на операцию литотомии¹⁵. Это чрезвычайно непоэтично и даже мерзко, так что всякий порядочный человек из породы «отцов» плюнул бы по этому случаю; а «дети» смотрят на это дело чрезвычайно просто; что же тут такого дурного, говорят они. Все это, может быть, редкие исключения, и в большинстве случаев молодое женское поколение руководится в своих прогрессивных действиях формом, кокетством, фанфаронством и т. д. Не спорим; очень возможно и это. Но ведь разница в предметах неблаговидной деятельности дает различное значение и самой неблаговидности. Иной, например, для шику и по капризу бросает деньги в пользу бедных; а другой так же точно для шику и по капризу колотит свою прислугу или подчиненных. И в том и в другом случае один каприз; а разница между ними большая; и на какой из этих капризов художники должны тратить больше остроумия и желчи в литературных обличениях? Ограниченные меценаты литературы, конечно, смешны; но во сто раз смешнее, а главное, презреннее меценаты па-

¹⁵ *Литотомия* – операция по удалению камней из мочевого пузыря.

рижских гризеток и камелий. Это соображение можно приложить и к рассуждениям о женском молодом поколении; гораздо лучше форсить книгой, чем кринолином, кокетничать с наукой, чем с пустыми франтами, фанфаронить на лекциях, чем на балах. Это изменение предметов, на которые направлено кокетство и фанфаронство дочерей, очень характерично и представляет дух времени в очень выгодном свете. Подумайте, пожалуйста, г. Тургенев, что это все значит и отчего это прежнее женское поколение не форсило на учительских креслах и ученических скамейках, отчего ему и в голову не приходило забираться в аудитории и якшаться с студентами, хоть бы по капризу, отчего для его сердца был всегда милее образ гвардейца с усиками, чем вид студента, о жалком существовании которого оно едва ли и догадывалось? Отчего произошла такая перемена в женском молодом поколении и что тянет его к студентам, к Базарову, а не к Павлу Петровичу? «Это все от моды пустой», – скажет г. Костомаров, которого ученым словесам жадно внимало и женское молодое поколение. Да отчего же мода-то именно такая, а не другая? Прежде в женщинах было «что-то заветное, куда никто не мог проникнуть». Но что же лучше – заветность и непроницаемость или любознательность и охота к ясности, к учению? и над чем следует больше посмеяться? Впрочем, не нам учить г. Тургенева; мы сами лучше поучимся у него. Он изобразил Кукшину в смешном виде; но его Павел Петрович, лучший представитель старого поколения, гораз-

до смешнее, ей-богу. Представьте себе, живет в деревне барин, уже приближающийся к старости, и все свое время убивает на то, чтоб мыться да чиститься; ногти у него розовые, вычищенные до ослепительного блеска, белоснежные рукавички с крупными опалами; в различные времена дня он одевается в различные костюмы; почти ежечасно он переменяет галстучки, один другого лучше; благовониями несет от него на целую версту; даже в разъездах он возит с собой «серебряный несессер и походную ванну»; это Павел Петрович. А вот в губернском городе живет молодая женщина, принимает к себе молодых людей; но, несмотря на это, она не слишком заботится о своем костюме и туалете, – чем г. Тургенев думал унизить ее в глазах читателей. Ходит она «несколько растрепанная», «в шелковом, не совсем опрятном платье», бархатная шубка ее «на пожелтелом горностаевом меху»; и в то же время почитывает кое-что из физики и химии, читает статьи о женщинах, хоть с грехом пополам, а все-таки рассуждает о физиологии, эмбриологии, о браке и проч. Все это неважно; но все же она не назовет эмбриологии английской королевой, а, пожалуй, скажет даже, что это за наука такая и чем она занимается, – и то хорошо. Все-таки Кукшина не так пуста и ограничена, как Павел Петрович; все-таки ее мысли обращены на предметы более серьезные, чем фески, галстучки, воротнички, снадобья и ванны; а этим она видимо пренебрегает. Она выписывает журналы, но не читает и даже не разрезывает их, а все-таки это лучше, чем выписы-

вать жилеты из Парижа и утренние костюмы из Англии, подобно Павлу Петровичу. Спрашиваем самых что ни на есть рьяных поклонников г. Тургенева: какой из этих двух личностей они дадут преимущество и кого они сочтут более достойным литературного осмеяния? Только несчастная тенденция заставила его самого поднять на ходули своего любимца и осмеять Кукшину. Кукшина действительно смешна; за границей она якшается с студентами; но все же это лучше, чем показывать себя на Брюлевской террасе между двумя и четырьмя часами, и гораздо простительнее, чем почтенному престарелому человеку якшаться с парижскими танцовщицами и певицами¹⁶. Вы, г. Тургенев, осмеиваете стремления, которые бы заслуживали поощрения и одобрения со стороны всякого благомыслящего человека, – мы не имеем здесь в виду стремления к шампанскому. И без того много терний и препятствий встречают на пути молодые женщины, желающие учиться посерьезнее; и без того злоязычные сестры их колют им глаза «синими чулками»; и без вас у нас есть много тупых и грязных господ, которые тоже, подобно вам, укоряют их за растрепанность и отсутствие кринолинов, издеваются над их нечистыми воротничками и над их ногтями, не имеющими той хрустальной прозрачности, до которой довел свои ногти ваш милый Павел Петрович. Довольно бы и этого; а вы еще напрягаете свое остроумие на придумывание для

¹⁶ Прямой намек на отношения Тургенева с Полиной Виардо. В рукописи статья фраза заканчивается так: «хотя бы даже с самой Виардо».

них новых оскорбительных прозвищ и хотите пустить в ход Eudoxie Кукшину. Или вы в самом деле думаете, что эмансипированные женщины хлопочут только о шампанском, папиросках и студентах или об нескольких единовременных мужьях, как воображает ваш собрат по искусству г. Безрылов? Это еще хуже, потому что набрасывает невыгодную тень на вашу философскую сообразительность; но и другое – насмешки – тоже хорошо, потому что заставляет сомневаться в вашей симпатии всему разумному и справедливому. Мы лично расположены в пользу первого предположения.

Молодое поколение мужское мы защищать не станем; оно действительно таково и есть, каким изображено в романе. Так точно мы соглашаемся, что и старое поколение несколько не разукрашено, а представлено так, как оно есть на самом деле со всеми его почтенными качествами. Мы только не понимаем, почему г. Тургенев дает предпочтение старому поколению; молодое поколение его романа несколько не уступает старому. Качества у них различны, но одинаковы по степени и достоинству; каковы отцы, таковы и дети; отцы = детям – следы барства. Мы не будем защищать молодого поколения и нападать на старое, а только попытаемся доказать верность этой формулы равенства. – Молодежь отталкивает от себя старое поколение; это весьма нехорошо, вредно для дела и не делает чести молодежи. Но отчего же старое поколение, более благоразумное и опытное, не принимает мер против этого отталкивания и почему оно не старается

привлечь к себе молодежь? Николай Петрович человек солидный, умный, желал сблизиться с молодым поколением, но, услышав, как мальчишка назвал его отставным, он разрюмился, стал оплакивать свою отсталость и сразу сознал бесполезность своих усилий не отстать от века. Что за слабость такая? Если он сознавал свою справедливость, если он понимал стремления молодежи и сочувствовал им, то ему легко было бы привлечь на свою сторону сына. Базаров мешал? Но как отец, связанный с сыном любовью, он мог бы легко победить влияние на него Базарова, если б имел на это охоту и умение. А в союзе с Павлом Петровичем, непобедимым диалектиком, он мог бы обратить даже самого Базарова; ведь только стариков учить и переучивать трудно, а юность очень восприимчива и подвижна, и нельзя же думать, чтобы Базаров отказался от истины, если бы она ему была показана и доказана? Г-н Тургенев с Павлом Петровичем истощили все свое остроумие в спорах с Базаровым и не скупились на резкие и оскорбительные выражения; однако Базаров не разрюмился, не смутился и остался при своих мнениях, несмотря на все возражения противников; должно быть, потому, что возражения были плохи. Итак, «отцы» и «дети» одинаково правы и виноваты во взаимном отталкивании; «дети» отталкивают отцов, а эти пассивно отходят от них и не умеют привлечь их к себе; равенство полное. — Далее, молодежь мужская и женская кутит и пьет; это она нехорошо делает, защищать ее нельзя. Но кутежи старого поколения были гораздо

величественнее и размашистее; сами же отцы часто говорят молодежи: «нет, не пить вам так, как пивали мы во время оно, когда были молодым поколением; мы как простую воду пили мед и крепкое вино». И действительно, единодушно признано всеми, что настоящее молодое поколение кутит менее, чем прежнее. Во всех учебных заведениях между учащими и учащимися сохраняются предания о гомерических кутежах и попойках прежней молодежи, соответствующей нынешним отцам; даже в *alma mater*¹⁷, московском университете, зачастую случались сцены, описанные г. Толстым в воспоминаниях об его юности¹⁸. Но, с другой стороны, сами же учащие и начальствующие находят, что прежнее молодое поколение отличалось зато большею нравственностью, бóльшим повиновением и уважением к начальству и вовсе не имело того строптивного духа, которым проникнуто нынешнее поколение, хоть оно и меньше кутит и дебоширствует, как уверяют сами же начальствующие. Итак, недостатки у обоих поколений совершенно равны; прежнее не толковало о прогрессе, правах женщин, но кутило на славу; нынешнее кутит меньше, но азартно кричит в пьяном виде – долой авторитеты, и отличается от прежнего безнравственностью, неуважением к законности издевается даже над о. Алексе-

¹⁷ Старинное студенческое название университета, буквально кормящая мать (*лат.*).

¹⁸ «Воспоминаниями» Л. Толстого о юности Антонович называет его повесть «Юность» – третью часть автобиографической трилогии. В главе XXXIX («Кутеж») описаны сцены безудержного кутежа студентов-аристократов.

ем. Одно другого стоит, и трудно отдать кому-нибудь предпочтение, как сделал г. Тургенев. Опять-таки и в этом отношении равенство между поколениями полное. — Наконец, как видно из романа, молодое поколение не может любить женщину или любит ее глупо, безумно. Прежде всего оно смотрит на тело женщины; если тело хорошо, если оно «эдакое богатое», тогда женщина нравится молодым людям. А коль скоро женщина понравилась им, они «стараятся только добиться толку», и больше ничего. И это все, конечно, скверно и свидетельствует о бездушии и цинизме молодого поколения; нельзя отрицать этого качества в молодом поколении. Как поступало в делах любви старое поколение, «отцы», — этого мы с точностью определить не можем, так как это было по отношению к нам во времена доисторические; но, судя по некоторым геологическим фактам и животным остаткам, к числу которых относится и наше собственное существование, можно догадываться, что все без исключения «отцы», все усердно «добивались толку» от женщин. Потому что, кажется, можно сказать с некоторою вероятностью, что если бы «отцы» любили женщин не глупо и не добивались толку, то они не были бы отцами и существование детей было бы невозможно. Таким образом и в любовных отношениях «отцы» поступали так же точно, как поступают теперь дети. Эти априористические суждения могут быть неосновательны и даже ошибочны; но они подтверждаются несомненными фактами, представляемыми самим романом.

Николай Петрович, один из отцов, любил Фенечку; как началась и к чему привела эта любовь? «По воскресеньям в приходской церкви он замечал тонкий профиль ее беленького лица» (в храме божем такому солидному человеку, как Николай Петрович, неприлично развлекать себя подобными наблюдениями). «Однажды у Фенечки заболел глаз; Николай Петрович вылечил его, за что Фенечка хотела поцеловать ручку у барина; но он не дал ей своей руки и, сконфузившись, сам поцеловал ее в наклоненную голову». После этого «ему все мерещилось это чистое, нежное, боязливо приподнятое лицо; он чувствовал под ладонями рук своих эти мягкие волосы, видел эти невинные, слегка раскрытые губы, из-за которых влажно блистали на солнце жемчужные зубки. Он начал с большим вниманием глядеть на нее в церкви, старался заговаривать с нею» (опять почтенный человек, подобно мальчишке, зевает в церкви на молоденькую девушку; какой нехороший пример для детей! Это равняется неуважению, какое оказывал Базаров к о. Алексею, а пожалуй, еще и хуже). Итак, чем же Фенечка прельстила Николая Петровича? Тонким профилем, беленьким лицом, мягкими волосами, губами и жемчужными зубками. А все эти предметы, как известно всякому, даже не знающему анатомии подобно Базарову, составляют части тела и вообще могут быть названы телом. Базаров при виде Одинцовой говорил: «эдакое богатое тело»; Николай Петрович при виде Фенечки не говорил – г. Тургенев запретил ему говорить, – а думал: «какое ми-

ленькое и беленькое тельце!» Разница, как согласится всякий, не очень большая, то есть, в сущности, нет никакой. Далее Николай Петрович не посадил же Фенечку под стеклянный прозрачный колпак и не любовался ею издали, спокойно, без трепетания в теле, без злобы и с сладким ужасом. Но – «Фенечка была так молода, так одинока, Николай Петрович был такой добрый и скромный... (точки в подлиннике). Остальное нечего досказывать». Ага! вот в том-то и вся штука, в том-то и несправедливость ваша, что в одном случае вы преподробно «досказываете остальное», а в другом – говорите, что нечего досказывать. Дело Николая Петровича вышло так невинно и мило оттого, что оно было закрыто двойной поэтической вуалью и фразы употреблены более неясные, чем при описании любви Базарова. Вследствие этого в одном случае вышел поступок нравственный и благопристойный, а в другом – грязный и неприличный. Позвольте-ка нам «досказать остальное» и относительно Николая Петровича. Фенечка так боялась барина, что однажды, по свидетельству г. Тургенева, спряталась в высокую густую рожь, чтобы только не попасться ему на глаза. И вдруг ее зовут однажды к барину в кабинет; бедняжка перепугалась и вся дрожала как в лихорадке; однако пошла, – нельзя же было послушаться барина, который мог прогнать ее из своего дома; а вне его она не знала никого, и ей угрожала голодная смерть. Но на пороге кабинета она остановилась, собрала все свое мужество, уперлась и ни за что не хотела войти. Николай Петро-

вич нежно взял ее за ручки и потащил к себе, лакей толкнул ее сзади и захлопнул за ней дверь. Фенечка «уперлась лбом в стекло окна» (припомните сцену Базарова с Одинцовой) и стояла как вкопанная. Николай Петрович задыхался; все тело его видимо трепетало. Но это было не «трепетание юношеской робости», потому что он был уже далеко не юноша, не «сладкий ужас первого признания» овладел им, потому что первое признание было перед покойницей женой: несомненно, стало быть, это «страсть в нем билась, сильная и тяжелая страсть, похожая на злобу и, быть может, сродни ей». Фенечке стало еще более страшно, чем Одинцовой с Базаровым; Фенечка вообразила, что барин съест ее, чего не могла вообразить опытная вдова Одинцова. «Я тебя люблю, Фенечка, люблю глупо, безумно», – проговорил Николай Петрович, быстро обернулся, бросил на нее пожирающий взгляд – и, схватив ее обе руки, внезапно привлек ее к себе на грудь. Она, несмотря на все усилия, не могла высвободиться из его объятий... Несколько мгновений спустя Николай Петрович сказал, обращаясь к Фенечке: «Ты меня не понимала?» – «Да, барин, – отвечала она, всхлипывая и отирая слезы, – не понимала; что вы со мной наделали?» Остальное нечего досказывать. У Фенечки родился Митя, да еще до законного брака; значит, был незаконным плодом безнравственной любви. Значит, и у «отцов» любовь возбуждается телом и оканчивается «толком» – Митей и вообще детьми; значит, и в этом отношении полное равенство между старым и моло-

дым поколением. Сам Николай Петрович сознавал это и чувствовал всю безнравственность своих отношений к Фенечке, стыдился их и краснел перед Аркадием. Чудак же он; если он признавал свой поступок незаконным, то не следовало бы ему и решаться на него. А если решился, то нечего же краснеть и извиняться. Аркадий, видя эту непоследовательность отца, и прочитал ему «нечто вроде наставления», которым обиделся отец совершенно несправедливо. Аркадий видел, что отец сделал дело и практически показал, что он разделяет убеждения сына и его друга; потому и уверял, что дело отца не предосудительно. Если б Аркадий знал, что отец не согласен с его взглядами на это дело, он бы прочитал ему другое наставление, – зачем же ты, папаша, решаешься на дело безнравственное, противное твоим убеждениям? – и был бы прав. Николай Петрович не хотел жениться на Фенечке вследствие влияния следов барства, потому что она была ему неровня и, главное, потому, что боялся своего братца, Павла Петровича, у которого было еще больше следов барства и который, однако ж, тоже имел виды на Фенечку. Наконец Павел Петрович решился уничтожить в себе следы барства и сам потребовал, чтобы брат женился. «Женись на Фенечке... Она тебя любит; она – мать твоего сына». – «Ты это говоришь, Павел? – ты, которого я считал противником подобных браков! Но разве ты не знаешь, что единственно из уважения к тебе я не исполнил того, что ты так справедливо назвал моим долгом». – «Напрасно ж ты уважал меня в этом

случае, – отвечал Павел, – я начинаю думать, что Базаров был прав, когда упрекал меня в аристократизме. Нет, полно нам ломаться и думать о свете; пора нам отложить в сторону всякую суету» (стр. 627), то есть следы барства. Таким образом, «отцы» сознали наконец свой недостаток и отложили его в сторону, чем и уничтожили единственное различие, существовавшее между ними и детьми. Итак, наша формула видоизменяется так: «отцы» – следы барства = «дети» – следы барства. Отняв от равных величин равные, получим: «отцы» = «детям», что и требовалось доказать.

Этим мы и покончим с личностями романа, с отцами и детьми, и обратимся к философской стороне, к тем воззрениям и направлениям, которые изображаются в нем и которые составляют принадлежность не молодого поколения только, а разделяются большинством и выражают общее современное направление и движение. – Как видно по всему, г. Тургенев взял для изображения настоящий и, так сказать, сегодняшний период нашей умственной жизни и литературы, и вот какие черты открыл в нем. Из разных мест романа мы соберем их вместе. Прежде, видите ли, были гегелисты, а теперь, в настоящее время, явились нигилисты. Нигилизм – философский термин, имеющий разные значения; г. Тургенев определяет его следующим образом: «Нигилистом называется тот, который ничего не признает; который ничего не уважает; который ко всему относится с критической точки зрения; который не склоняется ни перед какими автори-

татами; который не принимает ни одного принципа на веру, каким бы уважением ни был окружен этот принцип. Прежде без *принципов*, принятых на веру, шагу ступить не могли; теперь же не признают никаких *принципов*. Не признают искусства, не верят в науку и говорят даже, что наука вообще не существует. Теперь все отрицают; а строить не хотят; говорят, это не наше дело; сперва нужно место расчистить.

– Прежде, в недавнее еще время, мы говорили, что чиновники наши берут взятки, что у нас нет ни дорог, ни торговли, ни правильного суда.

– А потом мы догадались, что болтать, все только болтать о наших язвах не стоит труда, что это ведет только к пошлости и доктринерству; мы увидали, что и умники наши, так называемые передовые люди и обличители, никуда не годятся, что мы занимаемся вздором, толкуем о каком-то искусстве, бессознательном творчестве, о парламентаризме, об адвокатуре и черт знает о чем, когда дело идет о насущном хлебе, когда грубейшее суеверие нас душит, когда все наши акционерные общества лопаются единственно от того, что оказывается недостаток в честных людях, *когда самая свобода, о которой хлопочет правительство, едва ли пойдет нам впрок*, потому что мужик наш рад самого себя обокрасть, чтобы только напиться дурману в кабаке. Мы решились ни за что не приниматься, а только ругаться. И это называется нигилизмом. – Мы ломаем все, не зная почему; а просто потому, что мы сила. На это отцы возражают: и в диком кал-

мыке и в монголе есть сила – да на что нам она? Вы воображаете себя передовыми людьми, а вам бы только в калмыцкой кибитке сидеть! Сила! Да вспомните наконец, господа сильные, что вас всего четыре человека с половиною, а тех миллионы, которые не позволят вам попирать ногами свои священнейшие верования, которые раздавят вас» (стр. 521).

Вот коллекция современных воззрений, вложенных в уста Базарову; что они такое? – карикатура, утрировка, происшедшие вследствие непонимания, и больше ничего. Автор направляет стрелы своего таланта против того, в сущность чего он не проник. Он слышал разнообразные голоса, видал новые мнения, наблюдал оживленные споры, но не мог добраться до внутреннего смысла, и потому в своем романе он коснулся одних только верхушек, одних слов, которые, проносились вокруг него; понятия же, соединенные в этими словами, остались для него загадкою. Он не знает даже точно заглавия той книги, на которую, он указывает как на кодекс современных воззрений; что же сказал бы он, если б его спросили о содержании книги. Вероятно, ответил бы только, что она не признает различия между лягушкой и человеком. В своей простодушии он вообразил, что понял бюхнерово *Kraft und Stoff*, что в нем заключается последнее слово современной премудрости и что он, значит, понял современную премудрость всю, как она есть. Простодушие наивное, но извинительное в художнике, преследующем цели чистого искусства для искусства. Все его внимание обращено на то,

чтобы увлекательно нарисовать образ Фенечки и Кати, описать мечтания Николая Петровича в саду, изобразить «ищущую, неопределенную, печальную тревогу и беспричинные слезы». Дело вышло бы недурно, если бы он только этим и ограничился. Художественно разбирать современный образ мыслей и характеризовать направления ему не следовало бы; он или вовсе не понимает их, или понимает по-своему, по-художнически, поверхностно и неверно; и из олицетворения их составляет роман. Такое искусство действительно заслуживает если не отрицания, то порицания; мы вправе требовать, чтобы художник понимал то, что он изображает, чтобы в его изображениях, кроме художественности, была и правда, и чего он не в состоянии понять, за то и не должен приниматься. Г-н Тургенев недоумевает, как можно понимать природу, изучать ее и в то же время любоваться ею и наслаждаться поэтически, и поэтому говорит, что современное молодое поколение, страстно преданное изучению природы, отрицает поэзию природы, не может любоваться ею, «для него природа не храм, а мастерская». Николай Петрович любил природу, потому что смотрел на нее безотчетно, «предаваясь горестной и отрадной игре одиноких дум», и чувствовал только тревогу. Базаров же не мог любоваться природой, потому что в нем не играли неопределенные думы, а работала мысль, старавшаяся понять природу; он ходил по болотам не с «ищущей тревогой», а с целью собирать лягушек, жуков, инфузорий, чтобы потом резать их и рассматривать под мик-

роскопом, а это убивало в нем всякую поэзию. Но между тем самое высшее и разумное наслаждение природой возможно только при ее понимании, когда на нее смотрят не с безотчетными думами, а с ясными мыслями. В этом убедились «дети», наученные самими же «отцами» и авторитетами. Были люди, которые изучали природу и наслаждались ею; понимали смысл ее явлений, знали движение волн и трав прозябание, читали звездную книгу¹⁹ ясно, научно, без мечтательности, и были великими поэтами. Можно нарисовать неверную картину природы, можно, например, сказать, подобно г. Тургеневу, что от теплоты солнечных лучей «стволы осин становились похожи на стволы сосен, и листва их почти посинела»; может, и выйдет из этого картина поэтическая и ею zalюбуется Николай Петрович или Фенечка. Но для истинной поэзии этого недостаточно; требуется еще, чтобы поэт изображал природу верно, не фантастически, а так, как она есть; поэтическое олицетворение природы – статья особого рода. «Картины природы» могут быть самым точным, самым ученым описанием природы и могут производить поэтическое действие; картина может быть художественною, хотя она нарисована до того верно, что ботаник может изучать на ней расположение и форму листьев в растениях, направление их жилок и виды цветов. Это же правило применяется и к художественным произведениям, изображающим явления че-

¹⁹ Имеется в виду Гете. Вся эта фраза – прозаический пересказ некоторых строк стихотворения Баратынского «На смерть Гете».

ловеческой жизни. Можно сочинить роман, представить в нем «детей» похожими на лягушек и «отцов» похожими на осин, перепутать современные направления, перетолковать чужие мысли, взять понемногу из разных воззрений и сделать из всего этого кашу и винегрет под названием «нигилизма», представить эту кашу в лицах, чтоб каждое лицо представляло собою винегрет из самых противоположных, несообразных и неестественных действий и мыслей; и при этом эффектно описать дуэль, милую картину любовных свиданий и трогательную картину смерти. Кому угодно, тот может любоваться этим романом, находя в нем художественность. Но эта художественность исчезает, сама себя отрицает при первом прикосновении мысли, которая открывает в ней недостаток правды и жизни, отсутствие ясного понимания.

Разберите приведенные выше воззрения и мысли, выдаваемые романом за современные, – разве они не походят на кашу? Теперь «нет *принципов*, то есть ни одного принципа не принимают на веру»; да самое же это решение не принимать ничего на веру и есть принцип. И ужели он не хорош, ужели человек энергический будет отстаивать и проводить в жизнь, что он принял извне, от другого, на веру, и что не соответствует его настроению и всему его развитию. И даже когда принцип принимается на веру, это делается не беспричинно, подобно «беспричинным слезам», а вследствие какого-нибудь основания, лежащего в самом же человеке. Есть много принципов на веру; но признать тот или другой из них

зависит от личности, от ее расположения и развития; значит, все сводится, в последней инстанции, к авторитету, который заключается в личности человека, он сам определяет и внешние авторитеты и значение их для себя. И когда молодое поколение не принимает ваших *принципов*, значит они не удовлетворяют его натуре; внутренние побуждения располагают в пользу других *принципов*. – Что значит неверие в науку и непризнание науки вообще, – об этом нужно спросить у самого г. Тургенева; где он наблюдал такое явление и в чем оно обнаруживается, нельзя понять из его романа. – Далее, современное отрицательное направление, по свидетельству самого же романа, говорит: «мы действуем в силу того, что мы признаем полезным». Вот вам и второй принцип; зачем же роман в других местах старается представить дело так, будто б отрицание происходит вследствие ощущения, «приятно отрицать, мозг так устроен, и баста»: отрицание – дело вкуса, одному оно нравится так же, «как другому нравятся яблоки». «Мы ломаем, мы сила... калмыцкая кибитка... верования миллионов и проч.». Объяснять г. Тургеневу сущность отрицания, рассказывать, что в каждом отрицании скрывается положение, значило бы решаться на дерзость, которую позволил себе Аркадий, читая наставление Николаю Петровичу. Мы будем вращаться в пределах понимания г. Тургенева. Отрицание отрицает и ломает, положим, по принципу полезности; все, что бесполезно, а тем более вредно, оно отрицает; для ломки же у него нет сил, по крайней мере та-

ких, какие воображает г. Тургенев. – Вот, например, об искусстве, о взятках, о бессознательном творчестве, о парламентаризме и адвокатуре действительно много рассуждали у нас в последнее время; еще больше рассуждений было о гласности, которой не коснулся г. Тургенев. И эти рассуждения успели надоесть всем, потому что все твердо и непоколебимо убедились в пользе этих прекрасных вещей, а они все-таки и до сих пор составляют еще *ria desideria*²⁰. Но скажите же на милость, г. Тургенев, кто имел безумие восставать против свободы, «о которой хлопочет правительство», кто это говорил, что свобода не пойдет впрок мужику? Это уж не непонимание, а сушая клевета, взведенная на молодое поколение и на современные направления. Действительно, были люди, не расположенные к свободе, которые говорили, что крестьяне без опеки помещичьей сопьются с круга и предадутся безнравственности. Но кто же эти люди? Скорей они принадлежат к числу «отцов», к разряду Павла и Николая Петровичей, а уж никак не к «детям»; во всяком случае, не они же говорили о парламентаризме и адвокатуре; не они были выразителями отрицательного направления. Они, напротив, держались положительного направления, как видно по их словам и по заботам о нравственности. Зачем же слова о бесполезности свободы вы влагаете в уста отрицательному направлению и молодому поколению и ставите их наряду с толками о взятках и адвокатуре? Уж вы позво-

²⁰ Благие пожелания (*лат.*).

ляете себе слишком большую *licentiam poetica*m, то есть поэтическую вольность. – Какие же *принципы* противопоставляет г. Тургенев отрицательному направлению и отсутствию *принципов*, замечаемому им в молодом поколении? Кроме верований, Павел Петрович рекомендует «принцип аристократизма» и по обыкновению указывает на Англию, «которой аристократизм дал свободу и поддерживал ее». Ну, это старая песня, и мы слыхивали ее хотя в прозаической, но более одушевленной форме тысячу раз.

Да, очень и очень неудовлетворительно развит г. Тургеневым сюжет его последнего романа, сюжет, действительно богатый и представляющий много материалов для художника. – «Отцы и дети», молодое и старое поколение, старцы и юноши, это два полюса жизни, два явления, сменяющие одно другое, два светила, одно восходящее, другое нисходящее; в то время, когда одно доходит до зенита, другое скрывается уже за горизонтом. Плод разрушается и сгнивает, семя разлагается и дает начало обновленной жизни. В жизни всегда происходит борьба за существование; одно стремится сменить другое и стать на его место; то, что жило, что уже насладились жизнью, уступает место тому, что только еще начинает жить. Новая жизнь требует новых условий взамен старых; устаревшая довольствуется старыми и отставляет их для себя. Такое же явление замечается и в жизни человеческой между различными ее поколениями. Дитя растет с тем, чтобы стать на место отца и самому сделаться

отцом. Достигши самостоятельности, дети стремятся устроить жизнь сообразно с своими новыми потребностями, стараются изменить прежние условия, в которых жили их отцы. Отцы неохотно расстаются с этими условиями. Иногда дело оканчивается полюбовно; отцы уступают детям и применяются к ним. Но иногда между ними возникает несогласие, борьба; и те и другие стоят на своем. Вступая в борьбу с отцами, дети находятся в более выгодных условиях. Они являются на готовое, получают наследство, собранное трудами отцов; они начинают с того, что было последним результатом жизни отцов; что было заключением в деле отцов, то у детей становится основанием для новых заключений. Отцы кладут фундамент, дети выводят здание; если отцы вывели здание, то детям остается или отделать его окончательно, или разрушить его и устроить другое по новому плану, но из готового материала. То, что составляло украшение и гордость передовых людей старого поколения, становится вещью обыкновенною и общим достоянием всего молодого поколения. Дети собираются жить и приготавливают то, что необходимо для их жизни; они знают старое, но оно их не удовлетворяет; они отыскивают новые пути, новые средства, соответствующие их вкусам и потребностям. Если они придумали что-нибудь новое, значит оно более удовлетворяет их, чем прежнее. Старому поколению все это кажется странным. Оно имеет *свою* истину, считает ее непреложною, и потому в новых истинах оно расположено видеть ложь, отступ-

ление не от его временной, условной истины, а от истины вообще. Вследствие этого оно и защищает старое, старается навязать его и молодому поколению. – И виновато в этом не лично старое поколение, а время или возраст. У старика меньше энергии и отваги; он слишком сжился с старым. Ему кажется, что он достиг уже берега и пристани, приобрел все, что возможно; поэтому он неохотно решится пуститься снова в открытое неведомое море; каждый новый шаг он делает не с доверчивою надеждою, подобно юноше, а с опасением и страхом, как бы не потерять и того, что он успел приобрести. Он образовал для себя известный круг понятий, составил систему воззрений, которые составляют часть его личности, определил правила, которыми руководился всю жизнь. И вдруг является какое-нибудь новое понятие, резко противоречащее всем его мыслям и нарушающее установленную гармонию их. Принять это понятие – значит для него лишиться части своего существа, перестроить свою личность, переродиться и начинать снова трудный путь развития и выработки убеждений. На такую работу способны очень немногие, только самые сильные и энергичные умы. Оттого мы видим, что нередко весьма замечательные мыслители и ученые с каким-то ослеплением, тупым и фанатическим упорством восставали против новых истин, против очевидных фактов, которые помимо их были открыты наукой. О людях посредственных с обыкновенными, а тем более с слабыми способностями и говорить нечего; всякое новое поня-

тие для них есть страшное чудовище, которое угрожает им гибелью и от которого они со страхом отворачивают глаза. — Поэтому пусть утешится г. Тургенев, пусть он не смущается тем разногласием и борьбою, которые он замечает между старым и молодым поколением, между отцами и детьми. Эта борьба не есть явление необыкновенное, исключительно свойственное нашему времени и составляющее его непохвальную черту; это факт неизбежный, постоянно повторяющийся и совершающийся во всякое время. Теперь, например, отцы читают Пушкина, а было время, когда отцы этих отцов презирали Пушкина, ненавидели его и запрещали детям читать его; а вместо этого услаждались Ломоносовым и Державиным, и детям рекомендовали их, и на все попытки детей определить настоящее значение этих отеческих поэтов смотрели как на святотатственное покушение против искусства и поэзии. Когда-то «отцы» читали Загоскина, Лажечникова, Марлинского; а «дети» восхищались г. Тургеневым. Сделавшись «отцами», они не расстаются с г. Тургеневым; но «дети» их уже читают другие произведения, на которые неблагоприятно смотрят «отцы». Было время, когда «отцы» боялись и ненавидели Вольтера и его именем кололи глаза «детям», как г. Тургенев колет Бюхнером; «дети» уже оставили Вольтера, а «отцы» еще долго после того называли их вольтерьянцами. Когда «дети», проникнутые благоговением к Вольтеру, сделали «отцами», а на место Вольтера явились новые бойцы мысли, более последовательные и смелые,

«отцы» восставали против последних и говорили: «то ли дело наш Вольтер!» И так это ведется спокон веку, так будет и всегда.

Во времена спокойные, когда движение совершается медленно, развитие идет постепенно на основании старых начал, несогласия старого поколения с новым касаются вещей не важных, противоречия между «отцами» и «детьми» не могут быть слишком резки, поэтому и самая борьба между ними имеет характер спокойный и не выходит за известные ограниченные пределы. Но во времена оживленные, когда развитие делает смелый и значительный шаг вперед или круто поворачивает в сторону, когда старые начала оказываются несостоятельными и на месте их возникают совершенно иные условия и требования жизни, – тогда эта борьба принимает значительные объемы и выражается иногда самым трагическим образом. Новое учение является в форме безусловного отрицания всего старого; оно объявляет непримиримую борьбу старым воззрениям и преданиям, нравственным правилам, привычкам и образу жизни. Различие между старым и новым так резко, что по крайней мере на первых порах между ними невозможно соглашение и примирение. В такие-то времена и родственные связи как бы ослабевают, брат восстает на брата, сын на отца; если отец остается при старом, а сын обращается к новому, или наоборот, – между ними неизбежен раздор. Сын не может колебаться между любовью к отцу и своим убеждением; новое учение с ви-

димую жестокостью требует от него, чтобы он оставил отца, мать, братьев и сестер, и был верен самому себе, своим убеждениям, своему призванию и правилам нового учения, и следовал этим правилам неуклонно, что бы ни говорили «отцы». Г-н Тургенев может, конечно, изобразить эту стойкость и твердость «сына» просто как неуважение к родителям, видеть в ней признак холодности, недостаток любви и окаменение сердца. Но все это будет слишком поверхностно, а потому и не совсем справедливо. Одного великого философа древности (кажется, Эмпедокла или какого-то другого) укоряли за то, что он, занятый заботами о распространении своего учения, не заботится о своих родителях и родных; он отвечал, что его призвание дороже всего для него и что заботы о распространении учения для него выше всех других забот. Все это может казаться жестокостью; но ведь и детям не легко достается подобный разрыв с отцами, может быть он мучителен для них самих и они решаются на него после упорной внутренней борьбы с самими собою. Но что же делать, – особенно еще если в отцах нет всепримиряющей любви, нет способности вникнуть в смысл стремлений детей, понять их жизненные потребности и оценить ту цель, к которой они идут. Конечно, останавливающая и сдерживающая деятельность «отцов» полезна и необходима и имеет значение естественной реакции против стремительной, неудержимой, иногда переходящей в крайность деятельности «детей». Но отношение этих двух деятельностей всегда выражается

борьбою, в которой окончательная победа принадлежит «детям». «Дети», впрочем, не должны гордиться этим; их собственные «дети», в свою очередь, отплатят им тем же, возьмут верх над ними и предложат им удалиться на задний план. Обижаться тут некому и нечем; разбирать, кто прав и виноват, – нельзя. Г-н Тургенев взял в своем романе самые поверхностные черты несогласия между «отцами» и «детьми»: «отцы» читают Пушкина, а «дети» – Kraft und Stoff; «отцы» имеют *принципы*, а «дети» *принципы*; «отцы» смотрят на брак и на любовь так, а «дети» иначе; и представил дело так, что «дети» глупы и упорны, удалились от истины и оттолкнули от себя «отцов» и потому мучатся неведением и страдают отчаянием по собственной вине. Но если взять другую сторону дела, практическую, если взять других «отцов», а не таких, какие изображены в романе, тогда суждение об «отцах» и «детях» должно измениться, упреки и резкие приговоры «детям» должны относиться и к «отцам»; и все, что сказал г. Тургенев о «детях», может быть приложено и к «отцам». Ему угодно было почему-то взять только одну сторону дела; а зачем он оставил без внимания другую? Сын, например, проникнут самоотвержением, готов действовать и бороться, не щадя себя; отец не понимает, из-за чего хлопочет сын, когда его хлопоты не принесут ему никаких личных выгод, и что ему за охота вмешиваться в чужие дела; самоотвержение сына кажется ему безумием; он связывает сыну руки, стесняет его личную свободу, лишает его средств и возможно-

сти действовать. Иному отцу кажется, что сын своими действиями унижает его достоинство и честь рода, тогда как сын смотрит на эти действия как на самые благородные поступки. Отец внушает сыну угодливость и заискивание перед начальством; сын смеется над этими внушениями и никак не может освободиться от презрения к отцу. Сын восстает против несправедливых начальников и защищает подчиненных; его лишают должности и прогоняют со службы. Отец оплакивает сына как злодея и злостного человека, который нигде не может ужиться и везде возбуждает против себя вражду и ненависть, тогда как сына благословляют сотни людей, бывших под его ведением. Сын желает учиться, собирается за границу; отец требует, чтобы он ехал к нему в деревню занять его место и профессию, к которой сын не имеет ни малейшего призвания и охоты, чувствует даже отвращение к ней; сын отказывается, отец гневается и жалуется на недостаток сыновней любви. Больно все это сыну, он сам, бедный, терзается и плачет; однако ж скрепя сердце уезжает, напутствуемый родительскими проклятиями. Ведь это все факты самые действительные и обыкновенные, встречающиеся на каждом шагу; можно набрать тысячу еще более резких и более губительных для «детей», разукрасить их цветами фантазии и поэтического воображения, составить из них роман и также назвать его «Отцы и дети». Какое заключение можно будет вынести из этого романа, кто окажется правым и виноватым, кто хуже, а кто лучше – «отцы» или «дети»? Такое же

одностороннее значение имеет и роман г. Тургенева. Извините, г. Тургенев, вы не умели определить своей задачи; вместо изображения отношений между «отцами» и «детьми» вы написали панегирик «отцам» и обличение «детям»; да и «детей» вы не поняли, и вместо обличения у вас вышла клевета. Распространителей здравых понятий между молодым поколением вы хотели представить развратителями юношества, сеятелями раздора и зла, ненавидящими добро, – одним словом, асмодеями. Попытка эта не первая и повторяется весьма часто.

Такая же попытка сделана была несколько лет тому назад в одном романе, который был «явлением, пропущенным нашей критикой», потому что принадлежал автору, в то время безвестному и не имевшему той громкой известности, какою он пользуется теперь. Этот роман есть «Асмодей нашего времени», соч. Аскоченского, появившийся в свет в 1858 году. Последний роман г. Тургенева живо напомнил нам этого «Асмодея» своею общею мыслью, своими тенденциями, своими личностями, а в особенности своим главным героем. Говорим совершенно искренно и серьезно и просим читателей не принимать наши слова в смысле того часто употребляемого приема, посредством которого многие, желая унижить какое-нибудь направление или мысль, уподобляют их направлению и мыслям г. Аскоченского. Мы читали «Асмодея» в то время, когда автор его еще ничем не заявил себя в литературе, никому и нам не был известен и когда его знаме-

нитый журнал не существовал еще²¹. Мы читали его произведение с беспристрастием, совершенным индифферентизмом, без всяких задних мыслей, как вещь самую обыкновенную, но тогда же на нас неприятно подействовало личное раздражение автора и злость его по отношению к своему герою. Впечатление, произведенное на нас «Отцами и детьми», поразило нас тем, что оно было для нас не ново; оно вызвало в нас воспоминание о другом подобном впечатлении, испытанном нами прежде; сходство этих двух разновременных впечатлений до того сильно, что нам казалось, будто бы мы читали уже когда-то прежде «Отцов и детей» и даже встречали самого Базарова в каком-то другом романе, где он был изображен точно в таком же виде, как у г. Тургенева, и с такими же чувствами к нему со стороны автора. Долго мы ломали голову и не могли вспомнить этого романа; наконец «Асмодей» воскрес в нашей памяти, мы снова прочитали его и убедились, что наше воспоминание не обмануло нас. Самая короткая параллель между двумя романами оправдывает нас и наши слова. «Асмодей» тоже взял на себя задачу изобразить современное молодое поколение в его противоположности со старым, отжившим; качества отцов и детей изображены в нем такие же, как и в романе г. Тургенева; перевес также на стороне отцов; дети проникну-

²¹ Роман Аскоченского «Асмодей нашего времени» вышел в самом конце 1857 года, а редактируемый им журнал «Домашняя беседа» начал выходить с июля 1858 года. Журнал отличался крайне реакционным направлением.

ты такими же зловредными мыслями и разрушительным направлением, как и в романе г. Тургенева. Представителем старого поколения в «Асмодее» является отец, Онисим Сергеевич Небеда, «происходивший из древнего благородного русского дома»; это человек умный, добрый, простодушный, «всем существом своим любивший детей». Он тоже учен и образован; «в старые годы читал Вольтера», но все-таки, как выражается он сам, «не начитывал у него таких вещей, какие говорит Асмодей нашего времени»; подобно Николаю и Павлу Петровичам, он старался не отстать от века, охотно прислушивался к словам молодежи и самого Асмодея и следил за современной литературой; он благоговел перед Державиным и Карамзиным, «впрочем не вовсе был глух к стиху Пушкина и Жуковского; последнего даже уважал за его баллады; а в Пушкине находил талант и говорил, что он хорошо описал Онегина» («Асмодей», стр. 50); Гоголя он не полюбил, однако восхищался некоторыми из его произведений, «и, увидав на сцене „Ревизора“, несколько дней после этого рассказывал гостям содержание комедии». В Небеде даже вовсе не было «следов барства»; он не гордился своей родословной и о своих предках выражался с презрением: «А черт знает, что там такое! Вон и мои предки значатся при Василии Темном, да мне-то что от этого? Ни тепло, ни холодно. Нет, теперь уж люди поумнели, и за то, что отцы да деды были умны, дураков сынов не уважают». Вопреки Павлу Петровичу, он отрицает даже принцип аристократизма и

говорит, что «в русском царстве, благодаря батюшке Петру, вывелась старинная, пузатая аристократия» (стр. 49). «Таких людей, – заключает автор, – со свечой поискать: ибо они уж последние представители отжившего поколения. Наши потомки не найдут уж этих топорно обделанных характеров. А между тем они еще живут и движутся меж нами, с своим крепким словом, которое в иную пору пришибет, словно обухом, модного краснобая» (как Павел Петрович Базарова). – На смену этому прекрасному поколению явилось новое, представителем которого в «Асмодее» является молодой человек, Пустовцев, родной брат и двойник Базарова по характеру, по убеждениям, по безнравственности, даже по небрежности в приемах и туалете. «Есть люди на свете, – говорит автор, – которых любит свет и ставит на степень образца и подражания. Он любит их, как аттестованных поклонников своих, как строгих блюстителей законов духа времени, духа льстивого, обманчивого и мятежного». Таким был Пустовцев; он принадлежал к тому поколению, «которое верно очертил Лермонтов в своей „Думе“». «Он уже встречался читателям, – говорит автор, – и в Онегине – Пушкина, и в Печорине – Лермонтова, и в Петре Ивановиче – Гончарова²² (и, конечно, в Рудине – Тургенева); только там они выглажены, убраны и причесаны, словно на бал. Любуется ими человек, не зря страшного растрепанья являемых ему типов и

²² *Петр Иванович Адуев* – персонаж «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова, дядя главного героя – Александра Адуева.

не нисходя до сокровеннейших изгибов их души» (стр. 10). «Было время, когда человек *отвергал все*, не трудясь даже над анализом того, *что отвергал* (подобно Базарову); смеялся над всем священным потому только, что оно недоступно было узкому и тупому уму. Пустовцев *не этой школы*. от великой тайны мироздания до последних явлений силы божией, бывающих и в наше скудное время, он *все подвергал критическому обзору, требуя* одного лишь звания и знания; что же *не укладывалось* в узенькие клеточки человеческой логики, он *все отвергал* как сущий вздор» (стр. 105). И Пустовцев и Базаров принадлежат отрицательному направлению; но Пустовцев все-таки выше, по крайней мере гораздо умнее и основательнее Базарова. Базаров, как помнит читатель, отрицал все бессознательно, неразумно, вследствие ощущения, «нравится мне отрицать – и баста». Пустовцев же, напротив, отрицает все вследствие анализа и критики, и даже не все отрицает, а только то, что не соответствует человеческой логике. Как угодно, но г. Аскоченский более беспристрастен к отрицательному направлению и лучше его понимает, чем г. Тургенев: он находит в нем смысл и верно указывает на его исходную точку – критику и анализ. В других философских воззрениях Пустовцев совершенно сходится с детьми вообще и с Базаровым в частности. «Смерть, – рассуждает Пустовцев, – это общий удел всего существующего („старая штука смерть“ – Базаров)! Кто мы, откуда, куда пойдем и чем будем – кто это знает? Умрешь – похоронят,

нарастет лишний слой земли – и кончено („после смерти изменя лопух расти будет“ – Базаров)! Проповедуют там о каком-то бессмертии, слабые натуры верят этому, нисколько не подозревая, как *смешны и глупы претензии куска земли на вечную жизнь* в каком-то надзвездном мире». Базаров: «Я лежу здесь под стогом. Узенькое местечко, которое я занимаю, *крохотно* в сравнении с остальным пространством, и часть времени, которую мне удастся прожить, *ничтожна пред тою вечностью*, где меня не было и не будет... А в этом атоме, в этой математической точке кровь обращается, мозг работает, чего-то хочет тоже... *Что за безобразия! Что за пустяки!*» («Отцы и дети», стр. 590). Пустовцев, подобно Базарову, тоже начинает развращать молодое поколение – «эти юные создания, недавно увидевшие свет и не вкусившие еще смертоносного яда его!» Он, впрочем, взялся не за Аркадия, а за Marie, дочь Онисима Сергеевича Небеды, и в короткое время успел развратить ее совершенно. «В саркастических насмешках над правами родителей он простер софизм до того, что первое, естественное основание прав родительских обратил им же в упрек и поношение, – и все это перед девицей. Он показал в настоящем виде значение ее отца и, *низведши его в сословие оригиналов*, заставил Marie от души смеяться над речами отца» (стр. 108). «Удивительное дело эти старенькие романтики», – выражался Базаров об отце Аркадия; «презабавный старикашка», – говорит он о своем собственном отце. Под тлетворным влиянием Пустовцева

Marie совершенно изменилась; стала, как говорит автор, настоящей *femme emancipée*²³, подобно Eudoxie, и из кроткого, невинного и послушного ангела обратилась в настоящую асмодейку, так что ее и узнать нельзя было. «Боже! кто бы узнал теперь это юное создание? Вот они – эти коралловые уста; но будто пухлей стали они, выражая какую-то спесь и готовность раскрыться не для ангельской улыбки, а для возмутительной речи, полной насмешки и презрения» (стр. 96). Для чего же завлекал Пустовцев Marie в свои дьявольские сети, влюбился ли он в нее, что ли? Но разве могут влюбляться асмодеи нашего времени, такие бесчувственные господа, как Пустовцев и Базаров?

«Но какая же цель твоего ухаживания?» – спрашивали Пустовцева. «Очень простая, – отвечал он, – собственное мое удовольствие», то есть «добиться толку». И это не подлежит сомнению, потому что он в то же время имел «неосторожные, дружеские и излишне конфиденциальные отношения» к одной замужней женщине. К тому же он стремился и по отношению к Marie; жениться на ней он не намерен был, что показывают «его эксцентрические выходки против брака», повторяемые и Marie («эге-ге, какие мы великодушные, придаем значение браку» – Базаров). «Он любил Marie, как свою жертву, со всем пламенем бурной, неистовой страсти», то есть любил ее «глупо и безумно», как Базаров Одинцову. Но Одинцова была вдова, опытная женщина, и потому поня-

²³ Свободной от предрассудков женщиной (*франц.*).

ла замыслы Базарова и прогнала его от себя. Marie же была невинная, неопытная девица и потому, ничего не подозревая, спокойно предавалась Пустовцеву. Нашлись два разумные и добродетельные человека, которые захотели образумить Пустовцева, как Павел и Николай Петровичи Базарова, «стать поперек этому чародею, обуздать его дерзость и показать всем, кто он и что и как»; но он поразил их своими насмешками и достиг своей цели. Однажды Marie и Пустовцев пошли гулять в лес вдвоем, а возвратились в одиночку; Marie заболела и повергла в глубокую печаль все свое семейство; отец и мать были в совершенном отчаянии. «Но что ж там такое случилось? – спрашивает автор – и пренаивно отвечает: не знаю, решительно не знаю». Остальное нечего досказывать. Но Пустовцев и в этих делах оказался получше Базарова; он решился вступить в законный брак с Marie, и даже что? «Он, всегда кощунственно смеявшийся над всяким выражением внутренней боли человека, он, презрительно называвший горькую слезу каплею пота, проступающего из пор глазных, он, ни разу не погрузивший над горем человека и всегда готовый гордо встретить находящую беду, – он плачет!» (Базаров бы ни за что не заплакал.) Marie, видите ли, заболела и должна была умереть. «Но будь Marie в цветущем здоровье, может быть Пустовцев и охладел бы мало-помалу, *удовлетворив своей чувственности*: страдания же любимого существа возвышали цену его». Marie умирает и призывает к себе священника, чтоб он утравивал ее грешную душу и при-

готовил ее к достойному переходу в вечность. Но посмотрите, с каким кощунством обращается с ним Пустовцев? «Батюшка! – сказал он, – жена моя хочет говорить с вами. Что следует заплатить вам за такой труд? Не обижайтесь, что же тут такого? Это ведь ремесло ваше. С меня же берут доктора за то, что приготавливают к смерти» (стр. 201). Такое ужасное кощунство может равняться разве с насмешками Базарова над отцом Алексеем и с его предсмертными комплиментами Одинцовой. Наконец и сам Пустовцев застрелился, и умер, подобно Базарову, без покаяния. Когда полицейские служители провозили гроб его мимо одной модной ресторации, один господин, сидевший в ней, запел во все горло: «Вот развалины те! На них печать проклятья». Это непоэтично, но зато гораздо последовательнее и гораздо лучше вяжется с духом и настроением романа, чем молодые елки, невинные взгляды цветков и всепримиряющая любовь с «отцами и детьми». – Таким образом, употребляя выражение «Свистка» г. Аскоченский предвосхитил новый роман г. Тургенева.